
Рада К
ЭШЕР
Смерть тебя найдёт
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Rada C

Эшер. Смерть тебя найдёт

«Автор»
2026

C R.

Эшер. Смерть тебя найдёт / R. C — «Автор», 2026

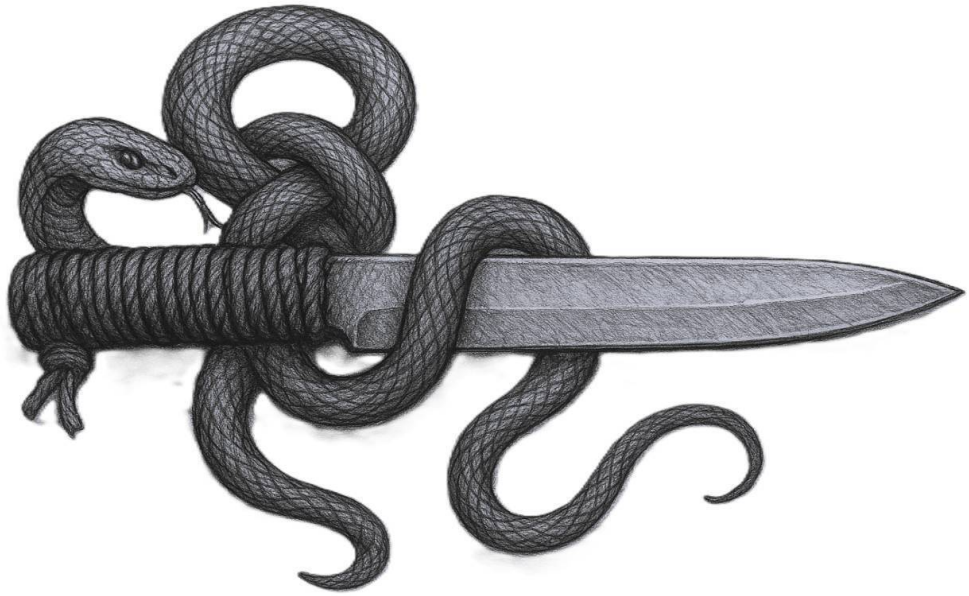
Эшер Вайс — молодая женщина с выдающимися когнитивными способностями и радикально отчуждённым восприятием мира. Для неё люди — системы, эмоции — шум, а мораль — социальная надстройка, не имеющая объективной ценности. После событий, стёртых из памяти, Эшер оказывается в закрытом психиатрическом учреждении по решению суда.Пытаясь восстановить фрагменты прошлого, она ведёт холодный диалог с врачами, персоналом и собственной семьёй, фиксируя реакции окружающих как данные эксперимента. Параллельно раскрывается её детство и подростковый период — путь интеллектуального ускорения, утраты эмпатии и формирования опасного мировоззрения, в котором человек рассматривается как устранимая переменная.Роман исследует границу между гениальностью и социопатией, свободой воли и детерминизмом, ответственностью и логикой «целесообразного уничтожения». Это история не о раскаянии, а о наблюдении: за миром, который боится тех, кто видит его без иллюзий.

© C R., 2026
© Автор, 2026

Rada C
Эшер. Смерть тебя найдёт

Не позволяйте тьме затмить ваши сердца
Автор.

Пролог

С самого начала я воспринимала мир как нечто отдельное, не имеющее ко мне отношения. Это не дар и не проклятие – это данность. Люди называют это бытие чудом или даром. Для меня это статистическая ошибка, растянутая во времени. Я наблюдаю за их попытками придать форму хаосу. Они создают религии, законы, искусство, привязанности – всё это надстройки над фундаментальной бессмысленностью. Они ищут смысл, чтобы не осознать главное: его нет. Мы рождены для того, чтобы потреблять ресурсы, размножаться и освобождать место для следующей партии.

Мир для меня – это набор данных. Я фиксирую плотность воздуха, скорость движения объектов, химический состав слёз, частоту сердечных сокращений при лжи. Все эти реакции – предсказуемы. Они не имеют глубины, они просто функции.

Обычные люди живут в трёхмерном пространстве с эмоциональной иллюзией. Я же существую вне этой иллюзии. Эмоции – это помехи, шум в системе. Я отсекаю их. Я могу имитировать сочувствие или интерес, как осваивают иностранный язык, но это всегда лишь выполнение социальной задачи.

Их стремление к цели кажется мне самым абсурдным из всех человеческих проявлений. Они строят, разрушают, любят, убивают – всё ради эфемерного завтра, которое неизбежно приведёт к полному исчезновению. Я не пытаюсь достичь цели. Я просто следую алгоритму, который минимизирует сопротивление.

Я не одинока. Я отделена. Моя функция – наблюдение и исполнение. И если вся эта сложная, бесполезная система внезапно остановится, я не испытаю ни сожаления, ни страха. Я просто зафиксирую, что эксперимент окончательно завершён.

Пока что я продолжаю выполнять свою роль. Двигаться. Дышать. Анализировать. Это не жизнь – это безупречно откалиброванное существование.

Наша время
2024. Весна

Люди говорят о боли и страхе как о барьерах. Я вижу их как рычаги. Достаточно просто понять, как надавить, и получить нужный результат. Это несложно; это просто механика.
Эшер

– Доброе утро. – слышу туманный голос.

Сознание возвращается рывками. Сначала – шум вентиляции. Потом – холод металла под запястьями. Потом – тяжесть воздуха. Нога пульсирует от боли.

Я не сразу понимаю, где нахожусь. Глаза упрямо смотрят в потолок, не слушаются. Шея будто заклинила – я не могу повернуть голову. Вижу только тусклые лампы, блеклые стены и собственные руки, закованные в наручники, прикованные к металлическим перилам койки.

Кто-то стоит рядом. Женщина. Я не вижу её, но слышу дыхание – частое, неровное. Кажется, она здесь уже давно. Почему молчит – не знаю. Может, ждёт, пока я покажу признаки жизни.

– Здравствуйте. – произношу я. Губы едва двигаются, онемели, а голос звучит хрипло.

– Меня зовут Клариса Марион. С сегодняшнего дня я твой лечащий врач. Представься, пожалуйста.

Она что-то пишет – слышу тихий скрип карандаша по бумаге. Не вижу её, но звук отчетливый, будто прямо у моего уха. Мозг медленно просыпается, и вместе с этим во мне просыпается всё, что лучше бы осталось забытым.

– Меня зовут… Эшер.

Воздух рвётся из груди, и я закашливаюсь, глотая собственный хрип.

– Помогите ей привстать. – спокойно говорит доктор Клариса кому-то за спиной.

Слышу шаги – тяжёлые, уверенные. Двое мужчин в белых халатах подхватывают меня под руки, усаживают, а потом дают мне воду. Пальцы дрожат, стакан чуть не выскальзывает, но глоток удаётся сделать. Глаза медленно привыкают к свету. Теперь я вижу комнату – слишком чистую, слишком белую, будто стерильную от всего человеческого.

Передо мной – доктор Клариса. Красивая, высокая. Красный костюм под белым халатом, аккуратный пучок, зелёные глаза. Губы блестят от бальзама, руки ухоженные, движения точные, выверенные. На коленях – блокнот и бумаги, в руке карандаш.

Я смотрю на этот карандаш и вдруг думаю, как легко он вошёл бы кому-то в глаз. Мысль чужая, дикая. Наверное, я всё ещё не до конца проснулась. Или у меня действительно провалы в памяти. Мой глаза заблестели, а потом в тот же миг потускнели. Видимо меня напичкали таблетками.

– Фамилия? – спрашивает доктор. В её глазах я не вижу ни жалости, ни тревоги. Только холодный ум и уверенность.

– У меня её нет. – отвечаю тихо.

Мой разум меня обманывает, – я знаю, что вру.

– Эшер. – её голос становится чуть строже, – Не обманывай. У тебя есть фамилия.

– Нет. Больше нет. – повторяю снова.

Доктор спокойно пролистывает бумаги на коленях, не теряя самообладания.

– Я тогда помогу тебе вспомнить. – говорит она. На секунду в комнате становится слишком тихо. – Тебя зовут Эшер Вайс.

Она делает короткую паузу – будто даёт мне время осознать, что у меня действительно есть фамилия. Но это ничего во мне не вызывает. Пустота. Фамилия давно перестала иметь значение. Она никогда не была обо мне.

– Сколько тебе лет, Эшер? – продолжает Клариса, её голос снова мягкий, почти заботливый.

– Мне двадцать четыре, доктор.

– Где ты родилась? Есть ли родители, братья, сёстры? Закончила ли школу? – стандартные вопросы, произнесённые привычно, механически.

Нет надобность ей отвечать. Но выбора видимо у меня нет.

– Родилась в Балтиморе, штат Мэриленд, США. – доктор чуть прищурила глаза на мои слова, но промолчала. Я продолжила:

– Насколько помню, родители живы и здоровы. У меня есть младшие брат и сестра – близнецы. Сколько им лет, я не знаю. Последнее, что закончила, – магистратура в области информационных технологий. Ещё у меня несколько высших образований: психология, криминалистика, биология и математика.

– Скажи пожалуйста, как тебе удалось за столь короткое время обучится всем этим образований? – её голос прозвучал мягко, но настороженно.

– Доктор, ответ указан в ваших документах. – произнесла я. Она продолжает задавать вопросы, хотя необходимая информация уже находится у неё.

– Я знаю. – спокойно ответила она, – Но хочу понять, знаешь ли ты.

Она подалась вперёд, чуть сместившись на стуле. Незаметное, но нервное движение – не ускользнуло от моего взгляда. Значит, дискомфорт растёт. Хорошо.

– Потому что мне это позволили. – произношу я, дёргая за наручники.

Мужчины в углу сразу активизировались, словно на внешний стимул. Они подошли ближе. Я зафиксировала их реакцию: повышенное напряжение. На лицах отмечались признаки непонимания, настороженности и слабого страха. Я лишь отметила это.

Доктор подняла ладонь, останавливая охранников.

– Эшер, почему тебе это позволили?

Я посмотрела на неё – *серьёзно, доктор? Ты действительно хочешь услышать это вслух?*

– В средней школе учителя зафиксировали отклонения от типичных когнитивных моделей. Я иначе формировала выводы и иначе реагировала на стимулы. После серии тестов меня классифицировали как вундеркинда. Показатель IQ уже превышал нормативный уровень и продолжал расти. Меня перевели через несколько классов, затем допустили к обучению в университете. Дальнейшее развитие происходило ускоренно. Я осваивала несколько направлений параллельно, поскольку это не вызывало затруднений.

Доктор поправила выбившуюся прядь, сделала пометку в блокноте и подняла взгляд. В комнате обитало напряжение, это было понятно по их лицам, доктор почти не выдала себя, но мужчины в углу были напряжены, их тела были каменные.

– Очень хорошо. А какой твой ай-кью сейчас?

Она знает.

– Двести тринадцать, – ответила я спокойно.

– Очень хорошо. – кивнула доктор. – С какого года ты не держишь связь с семьёй?

– Почему вы спрашиваете? – я чуть подалась вперёд.

Доктор Клариса едва заметно отпрянула, будто инстинктивно. Интересно, почему. Что она чувствует? Я не помню многого – память рваная, как старый пен, но где-то глубоко внутри я знаю: во мне есть нечто, от чего всем вокруг становится не по себе.

– Твоя семья сейчас в комнате для посетителей. – сказала она спокойно. – Они хотят поговорить с тобой.

Вот так просто? Серьёзно?

– С семьёй я не разговаривала, не виделась и оборвала все связи почти пять лет назад.

– Почему? – спросила она, и даже не закончила фразу, потому что знала, что я всё равно поняла.

– Просто, так нужно было сделать. – коротко бросаю.

Клариса что-то записывает в блокнот, делает пометку, потом молчит. Наконец-то.

– Хорошо, Эшер. Скажи, ты понимаешь, где находишься? – она поднимает глаза. – В твоей карте написано, что у тебя провалы памяти.

– Проанализирую. – сказала я. Перекрестила ноги. Одной рукой зафиксировала непроизвольное движение, другой отодвинула волосы. – Вы психиатр. Это определяется по окружению: двое мужчин у двери в защитных комбинезонах, с рациями и, вероятно, средствами для быстрого подавления. Окна оборудованы решётками. Стены белые, стерильные, с характерным для подобных учреждений освещением. Логический вывод: я нахожусь в психиатрическом отделении.

– Почти правильно. – доктор хлопнула в ладони.

– Спасибо. – ровно ответила я. – Даже без высокого ай-кью можно это понять.

Я чуть повернула запястья, напомнив ей и себе, – наручники всё ещё на месте.

– Вероятно, я совершила поступок, классифицируемый как серьёзное нарушение. Настолько значительное, что было принято решение не передавать дело в суд, а поместить меня сюда. Статус психически нестабильной обеспечивает удобный формальный контур. Я не обладаю данными о собственных действиях, но по косвенным признакам предполагаю: нарушение могло подпадать под категорию, предусматривающую высшую меру наказания. Верно?

Доктор спокойно посмотрела на меня.

– Ты сама всё вспомнишь – со временем. Могу только сказать тебе, что тебя осудили, и ты здесь из-за решения судии.

– Есть дополнительные вопросы? Мне нужно отдохнуть.

Доктор наблюдала за мной с привычной сосредоточенностью, оценивая достоверность моих слов. Я удерживала её взгляд, затем перевела внимание на мужчин у двери. По инерции

я улыбнулась им и подала краткий жест в виде подмигивания. Действие было рефлекторным, без эмоциональной или когнитивной мотивации.

Их реакция была мгновенной: оба напряглись, пальцы легли на рукояти электрошокеров, готовые к любому движению.

Доктор подняла ладонь снова, останавливая их. Они вернулись на места, но напряжение в их телах не исчезло.

Я по-прежнему не знаю, что именно совершила. Прошлое – туман: провалы памяти, пустота, ощущение, что это наследие оставил кто-то другой.

Но я знаю, что всё что сейчас творится в этой палате, всё очень серьёзно.

Наблюдать реакцию в их глазах, когда я моделирую ситуацию, даёт информацию. Опасность и контроль сосуществуют одновременно.

Доктор просто сидит, спокойно листая бумаги на коленях. Она знает больше, чем я. И это делает её власть ещё ощутимее.

Я – хрупкая фигура в наручниках, не знающая своих возможностей. Они вооружены электрошокерами. Ситуация одновременно демонстрирует угрозу и возможности анализа.

– Ещё несколько вопросов, и ты сможешь отдохнуть. Потом поговоришь с родителями. – её голос был мягким, но в этой мягкости скользнула тень. Мне это не понравилось.

– Ну… задавайте, – выдохнула я.

– Как бы ты себя охарактеризовала?

Зачем ей это знать? Что она хочет услышать – диагноз, саморазоблачение?

– Не знаю, – ответила коротко. Мысли текли медленно, тело требовало покоя. Усталость накапливалась. Отдых необходим до тех пор, пока память не начнёт восстанавливаться.

– Скажи так, как чувствуешь сейчас.

Рука нервно дёрнулась.

На самом деле у меня возникал импульс вонзить что-нибудь ей в бедро. Но вслух я произнесла иное:

– Девушка, двадцать четыре года. Длинные чёрные волосы, янтарные глаза, прямой нос, асимметричное лицо. Рост метр семьдесят три. Телосложение среднее. Индекс массы тела в пределах нормы.

Доктор подняла бровь и жестом остановила меня. Видимо, утомила её моя объективность.

– Я поняла. А теперь скажи – какие у тебя эмоции, чувства, мировоззрение?

– Не понимаю, что вы хотите услышать. – сказала я, отмечая остаточное раздражение как факт. Доктор улыбнулась, словно подразумевая, что ответ мне известен, а нежелание говорить – выбор.

Доктор обладает значительным объёмом информации, но не полностью.

– Хорошо. – выдохнула я. – Есть, может быть некие импульсы, ощущения что я выгляжу как больной человек. Не знаю, что сделала, но сомневаюсь, что меня сюда посадили за кражу серёжек. – я не отводила взгляда от фельдшеров. Оба стояли настороже, руки на электрошокерах. Светловолосый скривился, явно раздражённый моими словами. – Внутри пусто. Сердце бьётся. Всё.

– У тебя его и нет! – сорвался светловолосый фельдшер. Голос дрогнул, но в нём было больше страха, чем злобы.

Доктор резко повернулась к нему, её тон стал холодным и опасно ровным:

– Саймон, выйди из комнаты. Немедленно.

Он побледнел, глянул на меня с ненавистью – или, может, с ужасом, – и вышел, громко хлопнув дверью. Я проводила его взглядом. Видимо, персонал здесь не слишком компетентен. Или просто знает обо мне чуть больше, чем я сама.

– Эшер, продолжай, – мягко сказала доктор. Теперь всё её внимание было направлено на меня, будто в комнате не существовало никого, кроме нас двоих.

– Сейчас я спокойна и уравновешена. Мозг работает не в полном режиме. – сказала я ровно. – Есть определённые сбои. Из-за кратковременной потери памяти ощущения снижены. И примечательно то, что я могу вводить себя в заблуждение. Могу утверждать, что испытываю страх, отвращение, боль, тревогу или даже любовь, хотя это не факт.

– А что ты чувствуешь на *самом деле*? – её голос стал тише, почти ласковый, но в нём чувствовалась сталь.

Мой глаза, отрешённые посмотрели на неё.

– Я понимаю, что именно вы хотите услышать, доктор. Но это не имеет значения. Что бы я ни сказала, выводы вы сделаете сами. Поэтому сообщаю лишь факт: я ничего не чувствую. – я сделала глубокий вдох и посмотрела в потолок. Веки тяжело опускались.

– Эшер, ещё один вопрос – и всё.

Наконец-то.

– Как ты думаешь, почему ты здесь? – доктор произнесла это почти шёпотом.

Я открыла глаза. На лице появилась чужая улыбка – не злая и не добрая. Краем глаза заметила, что второй фельдшер у двери тихо покинул палату, избегая наблюдения.

– Я ни о чём не думаю, доктор, – ответила спокойно.

– А если предположить? – не унималась она.

Она хочет меня подловить. Узнать, не начала ли я вспоминать. Или просто проверить, как далеко я готова зайти. Пожалуй, стоит дать ей то, чего она добивается.

– Убийства, – произнесла я ровно, без тени эмоций.

Доктор на миг задержала дыхание. Карандаш в её руке замер. Затем она кивнула.

– Хорошо. Спасибо за честность, Эшер. На сегодня достаточно. Скоро подадут обед. А через несколько часов ты сможешь поговорить с родителями.

Я подняла палец вверх и механически улыбнулась:

– Отлично. Не могу дождаться.

Прошлое
2016. Зима

Каждый год родители устраивали мой день рождения с излишним размахом, будто это событие государственного уровня. Много гостей, неизвестные лица, шампанское, шум, речи. Людей моего возраста почти не было. Я обычно сидела в стороне и наблюдала за происходящим. Я не понимала, зачем им всё это нужно и что именно они пытались показать окружающим.

Эмоций я не испытывала. Не верила ни в традиции, ни в смысл подобных мероприятий. Мне всегда было сложно находить общий язык с этим миром. Иногда казалось, что я разговариваю с людьми на разных языках, и ни один из них не совпадает с моим.

В десять лет я осознала, что отличаюсь от других детей. Я не играла, не плакала, не смеялась. Говорила только тогда, когда в этом была необходимость. Коротко и, по существу.

Первой это заметила учительница математики. Она сказала, что я решаю задачи иначе, чем объясняли на уроке. После занятий она дала мне несколько примеров, рассчитанных на старшие классы. Я решила их быстро, без затруднений.

Об этом узнал директор, затем другие преподаватели. Начался другой этап: поездки в университеты, академии, участие в конференциях. Я выигрывала конкурсы и гранты, решала задачи, которые считались сложными. Всё давалось легко, почти автоматически. Со временем это перестало приносить интерес.

Дни становились одинаковыми. Мой интеллект развивался, а вместе с ним возникали холодные, прямые мысли. Иногда они переходили границу обычной логики. Иногда становились опасными. Постепенно я начала понимать, что мне всё безразлично.

Люди вызывали интерес только как объекты наблюдения. Ни жалости, ни любви, ни страха – ничего.

А потом случился тот день. Мой день рождения. Три года назад.

Кто-то из гостей поскользнулся, упал, ударился головой о край стола. Кровь быстро потекла по полу. Все закричали, кто-то заплакал, кто-то звонил в 911. А я просто стояла и смотрела. Без эмоций. Без участия. Ни страха, ни жалости, ни отвращения. Только… пустота.

Родители видели это. И впервые – испугались не за меня, а меня.

Потом были врачи, обследования, тесты. Мне поставили целый список диагнозов: «эмпат с нарушением восприятия», «депрессия», «пограничное состояние», «антисоциальное расстройство личности, апатия». Родителей это ужаснуло. Меня – нет. Они заставили принимать таблетки. Я делала вид, что пью их, но на самом деле просто прятала под язык, а потом выбрасывала их в унитаз.

С тех пор многое изменилось. Однако я ясно понимаю, что именно после того дня рождения возникло ощущение утраты контроля. Будто с того момента моя жизнь перестала принадлежать мне. Возможно, так было всегда, просто тогда я впервые зафиксировала этот факт.

…

Сегодня 1 января. Мой день рождения. Мне исполняется шестнадцать. Но для меня никогда не была важна это цифра.

Я проснулась до рассвета. В комнате было холодно, но я не отмечала ни температуру, ни дискомфорт – только лёгкость, похожую на отстранённость от собственного тела. Села, поставила ноги на пол. Мышцы откликнулись привычной силой, и это дало ощущение стабильности. Тело остаётся единственной системой, которой можно доверять: оно действует по понятным правилам – дышать, двигаться, сохранять ресурс.

Я поднялась и подошла к зеркалу. В отражении не было слабости. Прямые плечи, выраженные мышцы, бледная кожа, под которой всё работает чётко и слаженно. Физически я устойчива и способна выдержать нагрузку. Внутреннее состояние при этом остаётся неопределённым: нет ясности, есть лишь осознание потенциальных возможностей, которые трудно оценить.

Иногда я задаюсь вопросом, какова цель всего происходящего вокруг. Люди продолжают свою деятельность: живут, создают, обсуждают, повторяют одни и те же циклы. Но логика этих процессов неочевидна. Неясно, кому и для чего требуется это постоянное движение между надеждой и потерей.

Может, человек – просто ошибка. Нечаянная мысль кого-то, кто больше не существует. Может, мы все – обрывки сна, которому пора закончиться.

Может быть странно: я много лет живу среди людей, но так и не ощутила принадлежности к ним. Они зависимы, нуждаются в подтверждениях, в привязанностях, в чужой опоре. Мне же достаточно собственной устойчивости. Даже если внутри пусто, это не меняет функциональности.

Я подошла к окну. За стеклом – серое утро, двор покрыт снегом, небо равномерно бледное. Картина выглядела измотанной. Мир будто утратил энергию и стремится к краткому прекращению активности.

Мама крикнула снизу:

– Эшер, ты готова? Спускайся!

– Сейчас, – ответила я ровно и собрала волосы в высокий хвост.

В зеркале отражение уже не казалось мёртвым. В нём жила сила – тихая, сдержанная и опасная; та самая, что не нуждается в чужом одобрении. Я знала: этот день что-то изменит. Не знала, как – но каждой клеткой ощущала, что привычная реальность вот-вот треснет.

Спускаюсь на первый этаж. В лицо бьют крики радости гостей, гул музыки, смех – ложный и громкий.

Зачем они празднуют – неизвестно. Вероятно, у каждого своя причина. На лицах – маски: лицемерные улыбки, страх, насмешки. В глазах – пустота и мелкая жестокость. Слова складываются в цепочки, тосты повторяются – и в каждом сквозит одно: смерть, смерть, смерть. Разум постепенно включается, фиксирует детали, оценивает структуру ситуации. Это одновременно и интересно, и опасно.

Мне хочется стереть с их лиц эти фальшивые улыбки, предъявить миру их уязвимость и жажду – внимания, денег, власти. Они так уверены в собственной правоте, что даже не подозревают: я вижу насквозь.

Какие они странные. Говорят, одно, а думают другое, надеются, что никто не заметит. Но я всё вижу. И мне этого вполне достаточно.

Ко мне подходит женщина лет сорока, с тонкими руками и яркой улыбкой, слишком натянутой, будто кожа вот-вот треснет.

– Эшер, милая, с днём рождения! Ты стала такая взрослая… настоящая красавица!

Я смотрю на неё и чувствую, как внутри всё скользит в сторону – будто кто-то вытащил звук из мира, и осталась только тишина. Её голос доходит до меня с запозданием. Я не слышу смысл, только вибрацию.

– Спасибо, – отвечаю ровно.

Её духи режут воздух, слишком сладкие, навязчивые, как ложь. Я вижу, как она нервно теребит край бокала, как пальцы дрожат. *Почему ты дрожишь, женщина, ведь это я должна бояться?*

Сзади раздаётся голос отца:

– Эшер, улыбайся, доченька! Это же твой праздник!

Праздник. Структура поведения существ, называющих себя людьми, но не осознающих собственной сути. Я улыбаюсь. На мгновение – чрезмерно широко. Её глаза расширяются, дыхание нарушается.

– Всё в порядке? – спрашивает кто-то рядом.

Я киваю.

– Да, просто подумала… – делаю паузу и шепчу, так, чтобы слышала только она:

– Вы боитесь смерти. Но вы уже мертвы, просто ещё не осознали этого. Вы ищете деньги, власть, любовь, уважение, чтобы быть замеченными, но не понимаете, как это получить. Всё, что умеете – льстить тем, кто имеет всё, как мои родители. Если бы они были ничем, вы даже не обратили бы на них внимания.

Она отступила. Стекло в её руке звенело. Мать подошла ко мне, голос напряжённый:

– Эшер! Что ты сказала? – мать посмотрела на меня, а потом обратилось к женщине. – Простите её!

Я подняла взгляд к ней, и ровным тоном ей ответила.

– Ничего, мама. Просто поздравила гостей. – я ответила матери, хотя она уже ушла поговорить с гостями.

Смех вокруг продолжился, но воздух стал плотнее. Люди больше не смотрели мне в глаза. Впервые за долгое время – состояние было спокойным.

Хочется снять с них маски и очистить поверхность, как стирают пятна со старых фолиантов.

Наша время
2024. Весна

Я не заметила, как уснула после обеда. Сейчас я в полусне: голоса вокруг приглушены, но каждое слово доходит до меня ясно. Даже сквозь сон на лице появляется улыбка – неестественная, неправильная, будто она не принадлежит мне. Механическая.

«Почему так? Я психопатка в полном объёме», – фиксирую мысленно.

– Может, убьём её? – тихий шёпот женщины пронзил почти пустую палату. Она думает, что я крепко сплю и ничего не слышу. Очень проницательно.

– Нет, ты что говоришь? – ещё тише отвечает мужчина. Похоже, это тоже фельдшеры. Видимо, они настолько боятся меня, что мечтают сделать всё по-быстрому.

– Она меня пугает, – шепчет женщина; шаги приближаются к койке. – Сделаем так, чтобы это выглядело как несчастный случай.

Она что, глупая? Как это она собирается сделать?

– Не глупи, – отрезал второй, голос холоднее.

Чувствую запах лакрицы и ещё чего-то сладкого – женщина совсем близко.

Только не делай глупость…

Кто-то дрожит, словно лист на ветру. Такие реакции кажутся лишними. Если есть задача – выполняй её, без задержек.

– Почему ты так медлишь?! – визг женщина едва не разорвал мне барабанные перепонки. – Тише, голова от тебя лопнет…

Я открыла глаза и посмотрела на них обоих. Мужчина у двери, рот слегка приоткрыт, взгляд метался между женщиной и мной. Женщина почти у кровати, руки у рта, глаза фиксируют меня. Я сделала лёгкое движение головы, фиксируя их реакцию.

– Не бойтесь. – произнесла спокойно, – Я не причиню вреда.

Её лицо побледнело ещё больше; она с криком вылетела из палаты, как пуля.

– Простите нас. Она не хотела ничего плохого, просто испугалась.

Мужчина тоже ушёл. Я даже не успела ответить.

Остаток дня не обещал продуктивности.

После инцидента со встречей я взяла со столика одну из любезно оставленных книг. Бульварный роман. Сюжет линейный, стилистика избыточна. Слова в нём – лишь комбинации символов, не имеющие веса и запаха. Я достигла двадцать девятой страницы и закрыла книгу. Информация нерелевантная.

Авторы пишут о любви как о высшей ценности, о людях как о спасении. Я фиксирую, что люди – это лишь источник нестабильности и хаоса, завёрнутый в бумагу. Слова, сколь бы их ни было много, не изменяют фактов. Ни в мире, ни во мне.

Я уставилась на белый потолок. Поверхность, чистая как лист, на котором никто не осмелился написать фактическую правду. Мир – такая же пустая страница, на которой люди оставляют грязные следы своих некорректных решений. Они существуют, размножаются, исчезают. Цель процесса остаётся неустановленной.

Мы рождаемся только для того, чтобы в определённый момент перестать существовать, оставив после себя пыль и бессмысленные воспоминания. Зачем была создана эта конструкция? Чтобы наблюдать, как она медленно разрушает себя из-за жадности и страха? Или это был акт чистой, незапланированной скуки?

Я фиксирую знакомое снижение энергетического уровня – не ярость, не гнев, а тихая, тягучая апатия по отношению к процессу существования. Я вижу всю эту систему насквозь – её внутреннее гниение. И, за исключением меня, этого не замечает никто.

Они держатся за иллюзии: дружба, любовь, вера. Но всё это – лишь защитный механизм. Мне их иллюзии не требуются. Мой разум – моя тюрьма, но также и моё оружие. Тело прикован к месту, но сознание свободно. И если базовая структура этого мира основана на некорректных данных, его аннигиляция является логичным решением.

Мои размышления прервал стук в дверь. Не минуты без спокойствия.

– Эшер, родители зайдут к тебе через пять минут – сказал напарник Саймана, подходя ко мне. Выглядел он спокойнее, чем несколько часов назад. – Я тебя очень прошу не буянить. Из этой комнаты нет выхода. Я отпущу твою руку из наручников, но сиди спокойно и не дергайся. Может быть, от родителей ты и попытаешься сбежать, но выходя отсюда, ты либо умрёшь, либо тебя привяжут – и уже не только с одним наручником. Всё понятно?

– Предельно. Можете быть спокойнее, я не причиню им вреда и не сбегу, – любезно даю ему зелёный свет.

Он подошёл и расстегнул металлический браслет. После того как мне освободили руку, я задвигала её из стороны в сторону, чтобы унять онемение.

– Я тебе ничуть не верю. – сказал он, забирая наручники в карман, – Но я уже объяснил, что случится, если ты попытаешься. – он отступил и снова посмотрел мне прямо в глаза.

– Если есть что сказать – говори. Мямлящие, неуверенные и теряющие время реакции неинтересны.

– Я не могу говорить с тобой на эту тему. Но всё же скажу. Ты не выглядишь сумасшедшей. Ты говоришь, как неземной человек. Я не могу понять твои мотивы.

В его взгляде мелькнуло что-то напоминающее злобу, но выражение лица быстро вернулось к обычному. Они все одинаковы: постоянно ищут смысл, мотивы, ответы во всём.

– Если сумасшествие в твоих глазах – это конвульсии, крики, прыжки на людей, облизывание стен или, не знаю, вознесение себя как дочь Бога или Иисуса Христа – сказала я обыденно, почти ласково, – То ты очень ошибаешься. И как работник такого заведения ты должен это знать.

Наблюдать, как люди начинают размышлять после разговора со мной, это занимательно. Сейчас мой собеседник анализирует информацию.

Он выглядит на тридцать с лишним – возможно, тридцать один или два. Высокий, мускулистый, с чёрными короткими волосами, похожими на мои. Ореховые глаза фиксируют детали, губы слегка поджаты. Лицо необычное, что привлекает внимание. Судя по телосложению, вероятно, занимается спортом, возможно, боксом. Читает книги, слушает музыку, бегает по утрам. Интересно, как он стал фельдшером и пришёл сюда работать.

– Скажи мне, Эшер. – тихо начал он, – Почему ты так с людьми? Для тебя все они – грешники?

Ему так это интересно? Чуть ранее, он не выглядел таким заинтересованным…

– Я никогда не относилась к людям как к грешникам. Они – лишь оболочки.

– Всё равно. Скажи? – настаивал он.

– Зачем тебе это знать? – ответила я ровно. – Ты прочитал мою карту, нет смысла лгать. Я различаю ложь. Она фиксируется и отвлекает.

Он сделал шаг вперёд, упрямо глядя мне в глаза.

– У всех есть мотивы: обиды, чувства, привычные принципы, которые толкают на разрушение – себя или чужую жизнь. Но у тебя таких привычных мотивов нет. – немного с нажимом сказал он.

Объяснять это людям утомительно. Почему им всегда нужны мотивы?

– Как тебя зовут? – спросила я – Скажу, что думаю, если представишься.

– Эрик, – ответил он коротко.

Имя ему подходит – ровное, мужское.

– Слушай Эрик. – говорю ровно. – Для меня мотивы ничего не значат. Действие не всегда требует причины, иногда хватает замысла. Достаточно осознания: этот человек вреден – значит его можно исключить, как сорняк. Не нужен мотив, чтобы понять: он опасен – его место не здесь.

Эрик попытался перебить, но я не дала ему слова.

– У каждого человека есть право на жизнь, – продолжаю спокойно. – Я это не отрицаю. Но иногда отсутствие этого человека спасёт многих. И я сейчас не обязательно говорю об убийстве.

Он отшатнулся.

– Ты чокнутая, – пробормотал он и двинулся к двери.

– Послушай, – вновь вмешалась я тем же холодным голосом. Он остановился, обернулся. В его глазах смешались нерешительность и любопытство – как будто он не знает, верить ли мне. – Я думаю иначе, чем большинство на этой планете. Звучит пафосно, да, но так говорят и врачи, что пытались «лечить» меня. Не думай, что у меня нет сердца и сострадания – их правда нету, Эрик. Подумай об этом, может, ты что-то поймёшь для себя.

Я сделала паузу и добавила: – Иди. Приведи моих родителей.

– Тебя не понять, – услышала я в ответ, прежде чем дверь захлопнулась за ним, и металлический звук от далёкой ручки словно закрепил расстояние, между нами.

Я сделала глубокий вдох, собирая оставшееся терпение. Минуты тянулись медленно, и когда дверь наконец открылась, в палату вошли мои родители. За ними – Эрик, всё такой же настороженный, с застывшим выражением лица. Логичный шаг: после сказанного мной он предпочёл не рисковать. Любой на его месте задумался бы, не запишу ли я его в категорию «вредителей».

Он осторожен, и это делает его умным. Ну что ж, ум – редкость в этих стенах.

Возле моей койки стояли два стула – их специально приготовили для родителей. Стулья стояли на расстоянии словно, между нами, должен оставаться некий санитарный барьер. Очевидно, инициатива Эрика. Ему хочется, чтобы после встречи все остались целы и без лишних сцен.

Я перевела взгляд в угол комнаты, где он остановился. Наши глаза встретились. Без слов я дала понять: *я их не трону*.

Фрагменты памяти возвращаются. С каждым часом всё ярче, отчётливее. Иногда я ловлю себя на мысли, что не хочу помнить. Но процесс не остановить.

– Здравствуй, милая, – голос мамы дрожал, когда она подошла и осторожно присела. Папа устроился рядом, чуть позади неё.

Они выглядели измотанными. Лица отёчные, серые от усталости. Мать сутула, взгляд опущен – следов той женщины, что когда-то управляла своей жизнью, не осталось. Отец с помятым видом, как будто недавно оправился после длительного изматывающего состояния. Мамино лицо без макияжа и ухода – необычно для неё, раньше она не выходила даже в сад без тонального крема.

За все эти годы, видимо их немного пошатнули обстоятельство…

– Мы давно не видели тебя, думали, что ты умерла. – голос отца хрипел, словно каждое слово давалось с усилием. – Мы пытались найти тебя… долго. Объявляли в розыск, подключали знакомых. Но всё было бесполезно. – он опустил глаза, сжал руки в замок, чтобы скрыть дрожь. – И вот теперь мы стоим здесь перед тобой, а ты даже не можешь сказать нам «привет».

Я молчала, просто наблюдала.

Мать отвернулась, плечи дрожали – попытка скрыть слёзы. Отец сжал губы в тонкую линию, удерживая остатки гордости.

Слово «привет» не меняло структуры между нами. Их действия, боль, запоздалое раскаяние не имели значения.

Внутри ничего не шевелилось. Ни жалости, ни злости. Только фиксированная усталость.

Они всё ещё не понимают…

– Привет, – наконец произнесла я ровно, без интонации. – Раз вы так ждали, пусть будет так.

Мама резко подняла взгляд, будто надеялась услышать в моём голосе хоть тень тепла. Но там ничего не было. Только пустота.

– Ты ничуть не изменилась. – сказал отец, и в его голосе слышался упрёк, тяжёлый, почти обвинительный. – Всё так же страшишь нас своим безразличием.

– Папа, – я спокойно посмотрела на него. – Надеюсь, ты не забыл. – мельком заметила, как Эрик напрягся, переводя взгляд с меня на отца. Хорошо, пусть слушает. – Что я психически больна. Ваши врачи поставили мне столько диагнозов, что я уже и не помню всех.

Отец отвёл глаза. Плечи опустились. Он выглядел так, будто его сюда заставили прийти.

Зачем ты тогда пришёл, папа? Очистить совесть перед полицией? Сделать вид, что ты не имел к этому отношения?

– Дорогой… – мама взяла его за руку, как будто только так могла удержать от взрыва. – Успокойся. Милая, мы очень сожалеем о том, что случилось. Ты даже не представляешь, как мне больно. Но я безумно рада видеть тебя живой.

– Я не могу представить, мама – сказала я тихо. – У меня нет души. И ты это прекрасно знаешь.

Мама закрыла лицо руками, разрыдалась сильнее. Отец молчал, будто пытался спрятаться в этом молчании.

– Не плачь, мама, – голос мой остался ровным. – Я не заслуживаю твоих слёз. Уходите. Не хочу больше с вами говорить.

– Вот так?! – рявкнул отец, вставая. – Вот так ты со своими родными?!

Я не моргнула. Не шелохнулась. Он покраснел, сжал кулаки, будто готов был ударить – но сдержался.

– Мистер Вайс, – голос Эрика прозвучал резко. Он поднялся с места, и отец сразу отступил, вернувшись на стул.

– Эшер… зачем? – сквозь всхлипы спросила мама. – Зачем ты всё это сделала?

Я посмотрела на неё, фиксируя реакцию.

Что именно – "всё это"?

– Миссис Вайс, – вмешался Эрик, – Не думаю, что сейчас уместно задавать подобные вопросы.

Мама осеклась.

– Что бы я ни сделала, мама. – сказала я спокойно. – Я не жалею. Ни о чём.

Мама задохнулась в собственных рыданиях. Её тело дрожала, она не знала где спрятать свои руки.

– Ах ты… неблагодарная дочь! – снова выкрикнул отец. Он снова встал со своего место и сделал шаг ко мне.

Эрик поднялся окончательно. Его взгляд стал холодным, как лёд.

– На сегодня достаточно. Выходим.

– Скажи, папа, – всё тем же спокойным голосом, не отводя взгляда. – А ты был благодарным отцом?

Он не ответил. Только побледнел и резко отвернулся. Эрик открыл дверь и буквально вытолкнул их наружу.

Тишина. Я вздохнула, опустилась обратно на подушки.

– М-да, – тихо отметила я. – Разговор не дал результатов.

Как только дверь закрылась, я откинулась на подушку и прикрыла глаза.

День оказался перегруженным, будто весь мир решил проверить пределы моего сознания. Разговор с новым доктором, попытка убийства, Эрик с его примитивным непониманием реальности, и родители. Те же самые, кто до сих пор избегает признания: это они меня создали.

Создали и сломали. Сконструировали из обрывков, боли и тишины.

Им удобнее считать, что во мне что-то "повредилось", чем увидеть простую вещь – я их прямое отражение.

Меня оставили до ужина. Когда дверь снова открылась, я уже почти заснула. В этот момент почувствовала странное давление на тело.

Снова?

Прошлое
2017. Лето

Прошло шесть месяцев. Всё, что тогда начало шевелиться в сознании, не исчезло. Оно оформилось, обрело структуру.

После разговора со школьным психологом первая мысль пришла как чёткий сигнал: учебный год начался неправильно. И это ощущение неправоты стало системной ошибкой, которая разрастается и поедает всё внутри. Хотелось не измениться, а уничтожить саму конструкцию правил, стереть норму, разрушить привычный порядок.

Скука стала двигателем. Она подкинула идею: выйти на охоту и вонзить канцелярские ножницы в горло случайному человеку. Не из ненависти. Не из ярости. Просто ради проверки гипотезы и удовлетворения интереса. Такие мысли не отпугивают меня. Наоборот – они упорядочивают пространство.

Я механизм, ожидающий команды.

Но голова пока не готова к подобному риску. Мыслей слишком много, слишком плотный поток. Вероятнее отключиться от них, чем перейти к действию.

Настало лето. Формально – новый период, но я не чувствую его начала. У меня нет друзей, и это не вызывает вопросов. Они мешают своей ограниченностью, пустой болтовнёй о чувствах, которых у них нет. Их жизнь держится на гормонах и случайных эмоциях, которые они выдают за глубину.

Родители давно перестали обращать на меня внимание. Как на ту черепаху, что купили в прошлом году и забыли кормить. Она умерла через несколько недель, и никто этого не заметил. Тогда я поняла: некоторые вещи не относятся ко мне.

Теперь они держат меня дома, как зверушку в клетке. Боятся выпускать куда-то, кроме универа. Лето началось, занятий нет, и они просто закрыли меня в этом доме… а сами улетели на Гавайи.

Я не обижаюсь. Честно, внутри пусто. Но забавно, насколько тщательно они создают условия, чтобы мне захотелось отсюда сбежать.

Каждым своим жестом, каждым взглядом они подтверждают мысль, которую сами же и боятся произнести: я странная. Я нагрузка. Что-то не то, что-то «опасное». В последнее время они даже глаза прячут, будто боятся поймать во мне отражение того, что и так знают. Я не виню их. Невежество проще, чем правда.

Иногда, как сегодня, когда мысли грызут остатки здравого смысла, мне хочется вонзить кому-нибудь нож в горло. Зуд под кожей становится слишком громким. Будто внутри кто-то трёт наждачкой по нервам. Нужна разрядка.

Я поднимаюсь, выхожу на террасу. Сбрасываю одежду, как ненужный слой, и прыгаю в бассейн. Головой вниз, в тишину. Вода – единственное, что иногда умеет выключать шум. Она давит, обволакивает, отрезает всё. На дне можно сидеть и не существовать. Просто быть массой клеток, без мыслей, без программы.

Я сижу столько, сколько выдержат лёгкие. Строю внутри схемы: ходы, шаги, выстраиваю порядок. Холод помогает расставить цифры по местам.

В какой-то момент всплывает мысль: исчезнуть было бы проще, чем терпеть этот зуд, который ночами расползается по венам. Не трагично, не драматично. Просто… логично. Как вариант решения задачи.

Когда вырываюсь на поверхность, воздух входит в меня резко, жёстко. Лёгкие снова мои. По коже пробегает холод, оседает внутри ровной линией.

Тело живое. Сердце бьётся чётко.

Не страх.

Контроль.

Вода смывает не вину – её нет. И не сомнения – их тоже нет. Она просто стирает шум, оставляя то, что мне действительно нужно: чистую логику.

Мысли выстраиваются в строчку, аккуратно, математически:

шаг – пауза – результат.

Простая арифметика. Холодная. Беспощадная. И, что самое странное, в этой холодности мне спокойно.

Я вытираюсь полотенцем лениво, как тот, кто возвращается из ритуала, и понимаю: импульс остался, но он не диктует мне действия – я диктую ему. Это разница между животным и хищником. Животное бросается, хищник выжидает, выбирает момент и действует точно.

План? Он ещё не обнажён полностью – скорее, это контур, начертанный карандашом. Но контур уже достаточно ясен, чтобы понять: мне не нужно много. Немного времени, немного уединения, несколько правильных деталей – и игра изменится. И это ощущение, как предвкушение льда на языке, приятно и холодно.

Я возвращаюсь в дом тихо, почти бесшумно, как возвращается штиль после шторма. В коридоре пусто; голосов нет. В комнате – тишина, которая пахнет моими вещами и чужой небрежностью. Сажусь на кровать, складываю руки на коленях и смотрю на свое отражение в зеркало. Улыбка маленькая, без радости, но с уверенным знанием: теперь я знаю, что могу ждать. И это знание – уже действие.

Через несколько дней родители вернулись. Руки всё ещё зудели – хотелось немного помучить их, дать почувствовать то, что они сделали со мной. Но я быстро передумала: не стану тратить ни крупицы своего времени на тех, кто этого не заслуживает.

Пока их не было, я полностью погрузилась в работу. По разрешению наставника взялась за код – систему распознавания лиц: это ещё и заказ для крупной информационной кампании, так что дел было предостаточно. Проект стал идеальным способом занять зуд в теле – место, где мысли превращались в логику, а импульсы – в алгоритм.

– Милая, что ты делаешь? – сказала мама, – Уже два дня как мы дома, а ты ни разу не посмотрела нам в лицо. Лицемерие, да и только. – я сидела на кровати и медленно повернулась к ней. В её взгляде застыл тот привычный ужас, который был с ней почти всё это время, – а она упорно делала вид, что ничего не случилось.

– Ну а что ты ожидала мама? – мой голос был таким обыденным, что мама немного отшатнулась назад.

Я просканировала её с ног до головы и остановилась на лице. По моему выражению нельзя было понять, осуждаю я её или нет – на мне не было ни единой эмоции.

– Эшер, почему ты себя так ведёшь? – голос мамы стал твёрже, настойчивее, но я видела – она прячется за этим тоном, как за щитом. Боится. Думает, если повысит голос, страх растворится. *Серьёзно?*

– Как? – спокойно спросила я, – Что мне плевать на вас всех?

Мама охнула, резко топнула ногой по полу, будто хотела этим вернуть себе власть, и ткнула в меня пальцем:

– Эшер! Где твоё уважение к родителям? Хочешь, чтобы мы снова тебя наказали? Хотя тебе уже семнадцать! – Я слегка наклонила голову, наблюдая за ней.

Наказали? Интересно, в чём форма наказания на этот раз – в очередной моральной лекции или в том напряжённом страхе, что выступает у неё в каждой складке кожи. Я фиксирую признаки: взгляд избегает контакта, плечи напряжены, голос неровный – все маркеры, указывающие на внутреннее напряжение.

– Значит так. Ладно, – сказала мама ровно, без обратной связи, и повернулась ко мне спиной. Она вышла из комнаты.

Дверь закрылась. Возникла пустота рутинного взаимодействия: формальное исполнение роли, не более. Я осталась в комнате с остатками анализа: наказание принято, реакция зарегистрирована, последствия предсказуемы.

Я неторопливо собрала вещи – ноутбук, наушники, телефон. Даже убралась немного, будто готовилась к путешествию, а не к наказанию. Всё это время знала: мама сейчас придёт с охраной, чтобы снова запереть меня в ту самую комнату. Комнату, где, по её мнению, исправляют детей. Сколько раз она уже это делала? Десять? Двадцать? Я думала, ей надоест. Видимо, нет. Слышу шаги на лестнице – тяжёлые, нерешительные. Они приближаются. Когда дверь открылась, я уже стояла, держа сумку в руке. Спокойная. Готовая. Их лица в тот момент – бесценны. Они ожидали увидеть истерику, крики, сопротивление. А увидели меня – собранную, тихую, как шторм перед ударом.

– Я готова – произнесла я ровно. – Можем идти.

Мама замерла в дверях, бледная, с глазами, полными тревоги.

Я медленно повернула голову к ней и добавила:

– Сколько бы ты ни пыталась пичкать меня таблетками, запирать, вызывать охрану, сколько бы ни мечтала о другой дочери – ты всегда будешь получать только меня. Это не изменить.

Я сказала это без злобы, без жалости. Просто факт. Потом прошла мимо них – спокойно, уверенно – и направилась в сторону цокольного этажа. Вниз, туда, где меня снова попробуют «исправить».

– Подумай над своим поведением, девушка – сказал охранник, глухо, как будто ему самому было неловко. Потом дверь щёлкнула, и тишина поглотила всё вокруг. Я осталась в темноте.

И знаете, она не пугала меня. Наоборот – стала самым надёжным другом. Темнота не задаёт вопросов, не оценивает, не заставляет притворяться. Она просто есть. В ней я могу быть собой – без лиц, без правил, без чужих ожиданий. Иногда мне кажется, что, если бы можно было раствориться в ней, стать её частью, я бы наконец почувствовала покой.

В комнате наказания я провела два дня. Мне приносили еду, воду – и больше ничего. Но у меня был ноутбук, а значит, работа спасала. Я погружалась в коды, в строки, где всё подчинялось логике, где не было лицемерия и глупых эмоций.

На третий день, кажется, утром, дверь наконец открылась. Охранник молча махнул рукой – можно выходить. Я вышла и впервые за всё это время увидела дневной свет. Он ударил по

глазам, режуще и холодно. Лучше бы я осталась ещё на день-другой в той комнате. Темнота хотя бы не раздражала глаза. А свет напомнил, что я снова среди тех, кто делает вид, будто всё нормально.

– Ты осмыслила свои действия? – спросил отец с кухни. Судя по всему, мама уже всё ему пересказала. Я медленно выдохнула, пошла на кухню, взяла кофе и посмотрела на него. Он сидел за ноутбуком с самого утра, погружённый в свои дела, как будто весь мир вокруг не существует. Проблемы в компании? Да это вечная игра – ничего не меняется, всё те же скучные циклы.

– И что ты имеешь в виду под «свои действия»? – села на стул, подняла кружку к губам, делая вид, что мне важно только кофе.

– Похоже, ты хочешь снова оказаться в той комнате. – произнес он коротко, с упрёком. Затем ударил кулаком по столу; рот его скривился, глаза сузились. Он не смотрел на меня: внимание было приковано к экрану ноутбука.

Я слегка подняла свои плечи. Он помрачнел, вздохнул и умолк. Пусть считает, что я испытываю страх. На самом деле мне всё равно.

– Дорогой, у тебя всё хорошо? – спросила мама чуть позднее за ужином. – Выглядишь усталым.

– Не беспокойся, милая, всё в порядке, просто небольшие происшествия в кампании. Всё уладится, – папа немного задумался, затем изогнул губы в лёгкую усмешку и посмотрел на меня. В его глазах мелькнул блеск. Он что-то задумал, и это явно было не в мою пользу. – У меня есть одна идея.

– Какая идея, дорогой? – мама заговорила с воодушевлением, словно ей срочно нужно спасти свои деньги.

Я стояла рядом, но казалось, будто меня здесь нет. Они держались так, словно мое присутствие растворено в воздухе, словно я – фон, который можно просто не замечать. Они настолько тщательно избегали моего взгляда, что это напоминало плохо разыгранный спектакль. Я видела всё: мельчайшие напряжения в мышцах, те мысли, что проскальзывают в глазах быстрее слов, мотивы, которые они пытались спрятать.

Я ждала их очередного манёвра. Он всегда бывает. Но в этот раз он пришёл иначе – тише, позже, не там, где его следовало ожидать. Когда взгляд уже притупился от рутины, когда день стал слишком ровным, мир вдруг дрогнул. В тени промелькнуло движение, еле ощутимое, как смена дыхания.

И я поняла: тишина закончилась.

Наша время
2024. Весна

– Давай, держи сильнее. Если она проснётся – нам обоим конец, – голос был незнаком. Значит, кто-то новый. Так я стала интересом. Второй раз за день кто-то пытается меня убить – что ж, вполне ожидаемо. Ну первый были только мысли, а сейчас и действия, похвально.

– Да пытаюсь я! – вот этот голос я уже узнала. Наша милая госпожа «я-убью-тебя-днём». Им что, удалось отключить камеры? Или всем просто наплевать?

Резкий толчок – и я всей тяжестью отшвырнула женщину, которая почти залезла на меня, сжимая подушку в руках. Какая глупость. Если бы я умерла, даже без записи камер, их бы нашли. Ну… если бы хоть кому-то было не всё равно.

Спасибо Эрику, что после визита родителей не вернул мне наручники. Сейчас это, пожалуй, спасло мне жизнь. Госпожа Тупость явно этого не знала – от удара о пол её тело обмякло.

Я судорожно втянула воздух. Грудь горела, лёгкие кололи изнутри. Семь минут. Я держала дыхание семь минут. Вот почему я ещё жива. Тело сработало быстрее разума. Рефлексы взяли своё – и смерть снова прошла мимо.

– Вот живучая сука! – прорычала женщина с пола, сплёвывая кровь. Похоже, всё здравомыслие вместе с зубами вылетело из неё.

– Что тебе не нравится? – мой голос охрип, но в нём всё ещё звучал металл. Я провела рукой по телу – всё цело, это хорошо. Приподнялась, взглянула вниз. Женщина таращилась на меня – в глазах страх, ужас, и… осознание.

– Ты дьявол, а не человек! – прошипела она, медленно отползая к стене. Снаружи уже слышались голоса и быстрые шаги.

– Ну спасибо за комплимент, – сухо бросила я. – Если ты не заметила, это ты пыталась меня убить, а не наоборот.

– Ты монстр! – завизжала она, когда я сделала лёгкий, почти ленивый шаг в её сторону.

Я остановилась, посмотрела прямо в её расширенные зрачки и тихо сказала:

– Знаешь, если бы я действительно была монстром, ты бы уже молчала. Навсегда.

Она зажалась сильнее, будто стена могла её спасти. Я провела пальцами по волосам, пригладила их и усмехнулась.

– Прекрати кричать. Это лишний шум.

Дверь в мою палату распахнулась с таким глухим ударом, что казалось, сегодня я либо оглохну, либо у меня расколется голова.

– Что здесь творится?! – голос Саймона был полон злости, он кричал.

– Она монстр! – завизжала та, что прилипшая к стене.

Я осмотрела комнату. Саймон снова в состоянии злости. Женщина у стены проявляет хаотичные реакции. За дверью прячется мужчина; о его присутствии я почти забыла. Эрик по-прежнему колеблется между выводами. Я просто сижу на кровати и смотрю на них всех.

В палату вошли ещё несколько фельдшеров. Лица незнакомы. Это временно.

– Насыщенный день у нас получился, не правда ли, ребята? – женщина всхлипнула и снова завизжала. В её голосе присутствовал страх, это было очевидно.

Я сделала шаг к женщине у стены. На самом деле, я даже не успела приблизиться – но этого хватило, чтобы все в комнате напряглись. Женщина, та самая, что несколько минут назад пыталась меня задушить, отступила ещё глубже, будто стремилась взрастить себя в бетон. Саймон сжал кулаки, но двигаться не решился. Новые фельдшеры переглянулись, пытаясь понять, почему их пациентка так спокойна и собрана.

Они застыли, готовые к чему угодно. Кто-то сжал кулаки, кто-то напряг мышцы, как будто этим мог меня остановить. Даже Эрик, который всё это время держался в стороне, следил за мной так внимательно, словно любое движение могло стать сигналом к нападению.

– Скажи… – женщина выдавила слова сквозь спазмы дыхания, – Ты вообще человек?

Я слегка улыбнулась. Улыбка была не жестом, а математической формой, бесцветной и холодной.

– Человек… возможно. А может, и нет. Ты уже назвала меня монстром и дьяволом. Можешь продолжать. Мне всё равно.

Тишина стала плотнее. Страх наполнил комнату, будто воздух стал вязким. Они боялись даже выдохнуть. Я наблюдала за этим спокойно. Страх был честнее эмоций, которыми они обычно прикрывались.

– Эшер, хватит. – голос Эрика разрезал тишину. Он звучал резко, почти болезненно. Но в этом был интересующий меня оттенок – не слабость, а попытка контроля.

Он обернулся:

– Саймон, Флорин, заберите Клодис. И Микаэла за дверью, пока он не потерял сознание окончательно.

Фельдшеры сработали быстро. Женщина продолжала всхлипывать, Микаель пытался выглядеть живым. Через минуту палата опустела. Остались только я и Эрик.

Я устроилась на кровати, положив руки на колени. Он подошёл ближе, медленно, точно. Его движения несли в себе осознанность, настороженность. Он изучал меня. Внимательно. Последовательно.

Внутри у меня было пусто. Но я знала, какие чувства должна была бы испытывать на его месте. И знание об этих чувствах было единственным, что делало происходящее… любопытным.

Эрик остановился рядом, его глаза не отрывались от моих.

– Эшер… – сказал он тихо, почти не слышно.

– Всё в порядке, Эрик. Я знаю, что ты хочешь сказать. Но у меня есть к тебе просьба.

– Какая? – Эрик присел на край кровати и пристально взглянул в мои глаза. Видимо, он меня не боится.

– Либо она увольняется сама, либо помоги ей с этим. Если она останется и войдёт в эту палату, отсюда она не выйдет.

– Так ты всё-таки что-то вспомнила из прошлой жизни – сказал Эрик, уже вставая и готовясь выйти.

– Немного, – ответила я ровно.

– Хорошо, я постараюсь, чтобы она больше тебе не мешала.

Я механически улыбнулась чуть заметно, понимая, что даже без лишних слов мы оба знаем: сегодняшняя сцена ещё далека от завершения.

Эрик ушёл. Дверь закрылась на замок. Тишина. Я легла на кровать, укрылась пледом. Мышцы слегка напряжены, дыхание пришло в норму, мысли продолжают работать автоматически.

Закрыла глаза. Сон был коротким и поверхностным. Утром – лёгкая тяжесть в голове, вибрация внутри: ни радости, ни тревоги, просто неполный покой.

Сон не восстановил полностью. Тело частично восстановило энергию, ум продолжал анализировать вчерашние события: шаги Эрика, поведение женщины, собственные действия. Всё разложено по полкам, без оценки. Мышцы шеи слегка зажаты, ладони холодны от пледа, лёгкий зуд на руке требует движения.

…

После утренней дозы таблеток – их, как обычно, была целая горсть – я была одета и готова к прогулке. Доктор Клариса разрешила выйти в парк на территории больницы.

Хотя «больница» – громкое слово. На деле это тюрьма. Психиатрическая тюрьма. Лечить, запирая.

За дверью меня ожидал Саймон. Сегодня он мой компаньон или надзорщик – разницы нет. Мне нужен только воздух и тишина.

Дверь открылась. Саймон вошёл – белый комбинезон, безупречная собранность. Мой взгляд скользнул к его рукам: наручники. Значит, без них не обойтись.

Он заметил взгляд и улыбнулся. Если бы захотела, наручники меня бы не остановили. Желания сбегать нет, поэтому я стою неподвижно, дожидаясь, пока он защёлкнет холодный металл на запястьях.

Я же ничего не спросила, почему им так важно говорить, то, что они точно должны сделать?

– Это обязательно, Эшер, – произносит он с нажимом.

– Зачем говорить так много? – спокойно спрашиваю я. – У вас не болит от этого голова?

– Как всегда дерзишь, – усмехается Саймон. – Когда речь идёт о тебе, всё должно быть продумано. Даже эти наручники. Мы знаем, что ты владеешь карате, тхэквондо, боксом… и ещё атлетикой.

Голос его пропитан сарказмом. А мне – всё равно. Все эти навыки мне нужны были ради силы. Ради контроля.

– Спасибо, не знала, – отвечаю тем же тоном.

Щелчок. Наручники закрываются.

Когда мы вышли в коридор, я увидела мрачную обстановку – слишком чистую, чтобы быть настоящей. Белые стены, белый пол, даже воздух казался выбеленным до стерильности. Каждый наш шаг отдавался гулким эхом, которое будто терялось в этой пустоте.

Они, наверное, думают, что белый – это символ чистоты, свободы, жизни. Но это не так.

Я шла ровно, не отставая от Саймона. Наручники звенели при каждом шаге – будто напоминали, кто я для них.

Ну как сказала истеричка, я дьявол и монстр, значит наручники – это то, что мне нужно.

В углу коридора стояла камера. Красная точка мигала лениво, как усталое сердце. Я посмотрела на неё, и на секунду мне показалось, что она моргнула в ответ.

– На прогулке не отходи от меня – сказал Саймон. – Это не просьба.

Ему это не надоедает?

Я ничего не ответила. За короткое время что мы успели познакомиться, он уже привык к моему молчанию, и это его устраивало.

Мы подходим к железной двери с большими затворками, где на верху написана «Выход на улицу». Как оригинальна банальна. Когда дверь открылась, в лицо ударил холодный ветер. Я вдохнула. Без удовольствия, без ощущения жизни. Просто вдохнула. Всё было тихо. Никаких птиц, никаких шагов, только гул фильтрационной системы. Зелени почти не было – искусственная трава, несколько деревьев и металлическая скамейка, привинченная к земле.

– У тебя полчаса, но, если захочешь закругляться быстрее, я не буду против, по скорее отвести тебя обратна в твою палату. – сказал Саймон.

Я кивнула.

Саймон отступил на пару шагов, чтобы дать мне «пространство». Пространство в клетке.

Я медленно брела по дорожке, глядя на небо. Сегодня было тихо – редкое ощущение покоя, когда можно хоть немного отдохнуть от суеты внешнего мира.

Недалеко я заметила скамейку и направилась к ней. Когда дошла, присела и замерла. Металл охладил мои кости даже сквозь одежду, но я не почувствовала ни дискомфорта, ни облегчения – просто отметила факт.

Саймон стоял неподалёку, немного в стороне. Он говорил по рации и не заметил, что я смотрю на него.

Саймон говорил быстро, чётко, как будто от этого зависела чья-то жизнь. Его голос ровный, без раздражения. Наверное, хороший сотрудник.

Мой глаза наблюдали за тем, как двигаются его губы, как морщится кожа у глаз, когда он щурится на солнце. Всё это выглядело… живым. Наверное, именно так должен выглядеть человек, который чувствует.

Я же просто дышала. Воздух был прохладный, влажный, будто после дождя, хотя дождя не было. Я отметила это – и ничего не почувствовала.

– Эшер, на сегодня хватит. Твой лечащий врач пришла, она уже ждёт тебя в комнате для разговоров. Вставай и идём – без промедлений сказал Саймон, голос твёрдый, как приказ.

Я не стала ничего отвечать – слова не имели смысла. Просто кивнула, когда он посмотрел на меня, встала и подошла ближе. Он скользнул по мне взглядом, будто оценивая – или отмечая для отчёта. Сделал паузу, затем коротко бросил:

– Идём.

Мы шли по направлению к двери. Прогулка закончилась – ничего примечательного.

Между нами, до двери, где, по словам доктора, будут встречи, не было ни слова. Шаги по коридорам, лестницам и дверям. Не быстро, но и не медленно – примерно десять минут, и мы преодолели один корпус, вошли в другой. Поднялись на второй этаж. Проходя вдоль коридора, Саймон остановил меня у деревянной двери без замков – видимо, это кабинет доктора.

Он отодвинулся в сторону, постучал, затем сказал твёрдым голосом:

– Никаких фокусов. Я буду здесь за дверью. Какие бы у тебя ни были навыки, против вооружённого мужчины и подготовки у тебя шансов нет. Будь послушна, просто поговори со своим доктором. Поняла?

– Ты снова за своё. Поняла, – ответила я ровно. – Не нужно угрожать. И да, – я сделала паузу. – ты для меня не преграда. – я одарила его механической улыбки.

Дверь открылась, и я вошла внутрь. Доктор Клариса сидела за столом, погружённая в ноутбук. Я остановилась на пороге и оценила её мельком. Волосы собраны в строгий пучок, очки чуть сползли на нос, взгляд точен и сосредоточен. Ровная спина, аккуратная одежда, руки спокойно лежат на клавиатуре – каждый жест выверен. Ни малейшей спешки, ни нервного движения. Всё говорит о контроле, дисциплине и внимании к деталям.

Даже не поднимая глаз, она сказала ровным тоном:

– Спасибо, Саймон. Можешь освободить её от оков и оставь нас, пожалуйста.

Саймон без лишних слов снял с меня наручники, поклонился доктору и вышел.

– Эшер, присаживайся на стул, – указала она на стул перед собой.

Я медленно подошла и села, наблюдая за каждым её движением, анализируя, фиксируя детали. Эмоции? Их здесь нет. Только холодная логика, измерение каждого миллиметра пространства и поведения.

– Доброе утро. – сказала она, отодвигая ноутбук в сторону. Я мельком посмотрела на экран: таблицы, графики, возможно, статистика обо мне.

– Здравствуйте, – ответила я ровно, едва заметно сдвинувшись на стуле. Стол был неудобный, но это лишь факт, никакой раздражённости.

– Давай присядем сюда, – указала она на небольшие кресла, между которыми стоял журнальный столик из дерева.

Мы оба встали. Доктор присела на кресло у стены, спиной к ней, руки аккуратно сложены на коленях. Я села в кресло ближе к двери, предусмотрительно, оценивая расстояние, положение мебели и её позу. Всё говорит о дисциплине и внимании к деталям. Ни малейшего дрожания, ни нервного жеста. Всё выверено.

Я отметила: если понадобится – есть путь к двери, обзор помещения полный, доктора можно наблюдать и просчитать её движения. Эмоций нет, только наблюдение, анализ и готовность к любому развитию ситуации.

– Как твоё самочувствие?

– Вы хотите услышать правду или ложь, которая от правды почти не отличается? – я немного придвинулась к журнальному столику и, взяв кружку, сделала несколько глотков чая, что доктор любезно приготовила.

– Эшер, давай установим несколько правил в нашем общении, – доктор спокойно посмотрела на меня. Нужно отдать ей должное: она хорошо держится. Видно, что профессионал; даже глазом не моргнула вчера, когда прочла мою карту и заметки других врачей.

– Какие? – я не слышала в своём голосе ни интереса, ни напряжения, просто выслушала.

– В этой комнате, да и не только, ты должна говорить только правду, какой бы ядовитой или неприятной она ни была. Лучше не тешить людей иллюзиями. Здесь можешь быть собой и не терзать себя мыслями, я не осуждаю никого.

Она серьёзна. Но мне плевать на неё и на других.

– Вы же прочли мою карту со всеми заметками других врачей? – я посмотрела прямо на неё. – Тогда зачем говорить мне это, если знаете, что я не терзаюсь чувствами и мне всё равно на других?

– Просто хотела тебе об этом напомнить и понять, какие у тебя потери в памяти, – тихо, но твёрдо ответила она.

Значит, она меня изучает.

– Ну, как твоё самочувствие?

– Спросите иначе. Когда вы знаете, что у меня внутри… – я медленно протянула слова.

– Что ты чувствуешь физически, Эшер? – уточнила доктор, перефразируя вопрос.

– После вчерашней ночи я не спала нормально. Тело немного ломит, но в остальном всё в порядке. Внутри – как всегда пустота.

– Нет, это не совсем так, Эшер. У тебя есть задатки чувств и эмоций, просто твой мозг изолирует их от тела, оставляя тебя лишь оболочкой, а не целостной личностью.

– Как скажете, доктор.

Мы немного промолчали, и доктор снова заговорила.

– Скажи, Эшер, ты вспомнила что-то ещё за это время?

– Нынешнее или из прошлого? – ответила я ровно, без тени эмоций.

– Если что-то из прошлого, давай узнаем, что именно.

Я закрыла глаза на мгновение, позволяя мыслям пройтись по тем фрагментам памяти, что ещё не растворились в пустоте. Картины всплывали хаотично, лица, голоса, ощущения – я наблюдала за ними так же, как следила бы за движением фигур на шахматной доске. Ничего не трогало меня, ничего не будоражило, просто информация, которую нужно было классифицировать.

– Немного, – сказала я тихо, открывая глаза и устремляя взгляд на её лицо. – Но это не эмоции. Просто детали, которые можно расположить по порядку.

Прошлое
2018. Зима

Прошёл уже месяц после дня рождения с его пафосным празднованием, устроенным родителями. Я училась по двум специальностям, работала, занималась борьбой и плавала по выходным. Всё шло своим чередом, привычным и предсказуемым.

Мы долго не вспоминали тот разговор за ужином, когда у папы были какие-то проблемы в компании и он вынашивал план, как всё уладить. Для меня это было просто информацией, не затрагивающей ни мыслей, ни чувств.

Каждый день имел свою структуру. Утро начиналось с учебы и задач, которые я планировала заранее. Обеды и перерывы проходили между делами, иногда с минимальными взаимодействиями с родителями, которые в основном наблюдали со стороны. Их попытки контролировать меня воспринимались как фон: интересны, но не значимы.

Выходные были выделены под борьбу и плавание. Каждое движение фиксировалось: техника, дыхание, скорость. Эмоции при этом отсутствовали, оставалась только аналитика и ощущение тела.

Так проходили дни. Всё повторялось. Всё предсказуемо. Каждый факт, каждое действие, каждая последовательность – как наблюдение за миром, не вовлекаясь в него.

В один из обычных дней, как мне показалось, я сидела в своей комнате и работала над алгоритмом, который задали в академии. Так была погружена в работу, что не услышала голоса и шаги по мрамору внизу.

Сидя на стуле у рабочего стола, услышала, как дверь открылась с таким напором, что чуть не сломалась.

– Переоденься в другую одежду, – закричала мама, заметив, что я всё ещё в коротких пижамных шортах и топе.

Она держала двумя руками два чемодана и направилась к моему гардеробу. Видно было, что она нервничает и со скоростью света пихает мою одежду в чемоданы, как будто я сама не могу это сделать.

– Что за повод? – спросила я спокойно, без какой-либо эмоции.

– Заткнись! – рявкнула мама, заметно на взводе. – Ты ещё не одета? Ноутбук, телефон, вся техника – оставь здесь.

Зачем это? – я не ждала ответа, просто фиксировала факт.

Пока мама собирала вещи, я переоделась в блузку и джинсы. Незаметно надела кольцо на палец. Они не знали о нём. В кольце хранились мои разработки, документы, счета и даже резервный номер телефона. Факты. Всё остальное – лишнее.

Мама, дергаясь по всей комнате, закрыла оба чемодана, затем подошла ко мне и задержала взгляд на моём лице. В её глазах читалась жалость, но это было лишь часть спектра эмоций – остальное я отметила, как данные.

– Идём. – Она взяла меня за руку, и мы спустились по ковру и лестнице вниз.

В гостиной папа ходил из стороны в сторону, напряжённый. Рядом стоял мужчина в костюме с серьёзным лицом, жилет и пистолет выдавали его как охранника. У входной двери стояли ещё два таких же.

Я отметила ещё одного мужчину: он сидел на стуле у барной стойки, выглядел на 30 с чем-то лет, пил кофе и слегка усмехался на движения папы. Глаза его блестели, отражая удовольствие от ситуации. Всё это фиксировалось – без эмоций, просто наблюдение и анализ.

– Патрик, а ты не сказал, что твоя дочь красавица, смотрю на неё и вижу богиню. – папа скривился. Я просто фиксировала позу, взгляд и тон голоса.

– Не говори так, Адриан, ты же видел фотографию моей дочери – сказал он, демонстрируя храбрость, но движения рук выдали напряжение.

Адриан. Охрана, мама и папа на взводе. Адриан… где я его видела… Генеральный директор, работающий с папой. Должно быть, это он.

Я фиксировала его позу, руки на столе, легкая усталость в плечах. Он изучал меня, его улыбка на долю секунды исчезла, потом вернулась, когда он что-то обдумал.

– Деточка, подойди ко мне, – Адриан поманил рукой, как дрессировщик животное.

Мысли выстроились логично – не двигаться. Поэтому я осталась на месте.

Он скривился. Лицо напряглось, черты стали резче, взгляд потяжелел – словно за секунду состарился на пять лет.

– Подойти, – уже властнее произнёс он.

И что он хочет этим добиться? Испугать меня?

– Милая, всё хорошо, подойди к Адриану, он тебя не обидит – сказал папа, но по дрожанию его голоса я поняла, что он сам в это не верит.

Я тоже знала – этот человек опасен, агрессивен. Даже без способности чувствовать страх, это просто факт.

– Патрик…

Папа закаменел. Потом повернулся в мою сторону – взгляд стал тяжёлым, полным безысходности. Он ничего не сказал, но по глазам я поняла: иди.

Я не дрогнула. Ни один мускул не выдал ни раздражения, ни страха.

Но видя, как отец побледнел, будто ему не хватает воздуха, а мама застыла, притворяясь стеной, я всё-таки сделала несколько шагов вперёд. Лёгких, бесшумных – как будто это не я, а тень движется к нему.

Конечно, если бы Адриан вдруг решил убить их прямо передо мной, я бы не моргнула. Мне просто не хотелось запачкать одежду.

Я остановилась напротив него. Он смотрел на меня пристально, будто пытаясь вскрыть под кожей что-то, чего там нет. Мне восемнадцать, но выгляжу старше – рост, осанка, заострённые черты лица. И да, я вижу, что ему это нравится.

Он смотрит на меня, как голодная собака, ждущая разрешения броситься на мясо. Но я уже поняла, кто он. Эгоцентричный. Самовлюблённый. Насильник – из тех, кто считает себя богом, пока не узнаёт, что даже боги могут истекать кровью.

– Как тебя зовут? – его губы чуть шевельнулись, будто пробуя вкус слов, и снова сомкнулись.

– Господин, вам от меня что-то нужно? – спросила я прямо, не опуская взгляда. За спиной слышу короткий, испуганный вздох мамы. Она всё ещё верит, что вежливость может спасти жизнь.

– Твои глаза… – Адриан слегка подался вперёд. – Они смотрят слишком внимательно. Ты сейчас меня изучаешь?

– А вы сомневаетесь? – я склонила голову чуть в сторону, словно рассматривая новый экспонат.

Он усмехнулся, но в улыбке мелькнуло раздражение. Да, я его изучаю. Каждый жест, каждое движение челюсти, когда он сдерживает злость. Он привык, что от его взгляда женщины опускают глаза. А я – нет. Он привык быть во всём первым и главным.

– Ты не страшишься меня, деточка? – Адриан наклонился ближе, так, что я чувствовала его дыхание.

– А что это такое – страх? Подскажите мне, господин, – я тоже наклонилась вперёд, и между нами не осталось воздуха.

Он сначала замер, а потом расхохотался – громко, театрально, так, что даже охрана у двери повернула головы.

– Ты мне нравишься, – выдохнул он, но смех в голосе был каким-то голодным.

Я чуть отстранилась, но он мгновенно схватил меня за руку. Стиснул так сильно, что кожа побелела, а потом покраснела. Я молча смотрела, как его пальцы вдавливаются в моё запястье, и не двинулась. Он искал в моих глазах реакцию – боль, страх, злость. Ничего не нашёл.

Секунду смотрел, потом вдруг усмехнулся, отпустил. Я опустила взгляд на руку. Красная полоса медленно проступала на коже. И что он хотел этим доказать? Что может причинить боль? Боль – это слишком живое чувство для меня.

– Хорошо. Я приму твой подарок, Патрик – сказал Адриан и неторопливо поднялся со стула.

Он был почти моего роста, но ширина плеч и тяжесть его походки делали его внушительным, как будто весь воздух в комнате принадлежал ему.

Он уже собирался пройти мимо меня, но вдруг остановился и снова повернулся.

– Ты ведь ещё не сказала, как тебя зовут.

– Эшер, – коротко ответила я.

– Хорошо, Эшер. Идём домой, – произнёс он как нечто само собой разумеющееся.

Домой?

Я повернулась к отцу. Его губы дрогнули, но он ничего не сказал. Только глаза. Страх и отчаяние. Никакого сожаления. Никакой любви.

Он меня продал.

– Эшер! – голос Адриана расколол воздух. – Не заставляй тебя ждать. Твои родители должны были всё объяснить. Ты должна было знать об этом дне, уже три месяца.

Я медленно пошла к двери. Мимо отца. Мимо матери, которая стояла неподвижно, словно ее подменили восковой фигурой.

– Прости, – прошептал он.

– Тебе ничуть не жаль, отец. Пока, – ответила я тихо, без злости. Просто факт.

Ветер у порога хлестнул по лицу, будто проверяя – жива ли я. Я не почувствовала ничего. Родители продали меня, и это не вызвало ни боли, ни гнева.

Пустота. Только она умеет быть честной.

Машина ждала у ворот. Адриан сел первым, не оглядываясь, как будто всё происходящее – деловая формальность. Я вошла следом. За нами закрылась дверь.

Это был последний раз, когда я видела своих родителей.

– Эшер, – произнёс он, кладя палец под мой подбородок и быстрым движением поворачивая моё лицо к себе.

Его синие глаза были слишком близко. В них скрывалось что-то липкое, как ложь, как яд под мрамором.

– Какие у тебя предположения по поводу всего этого? – он говорил тихо, почти ласково, но каждая его интонация была рассчитана, как удар.

Мы сидели рядом, слишком близко. Его запах – приторный, густой, с ноткой чего-то металлического – будто оседал в лёгких.

– Почему вы спрашиваете это у меня? – спокойно спросила я.

– Ну, ты такая… спокойная. – он чуть усмехнулся, скользя взглядом по моему лицу. – Твой отец мельком сказал, что ты необычная. И видя тебя сегодня, я в этом окончательно убедился. Ты смотришь, будто видишь людей насквозь. Не как человек, а как кто-то, кто стоит выше.

Он улыбнулся. Спокойнее, чем в доме. Но в этой спокойности я чувствовала ту же хищность – просто теперь она прикрыта шелком.

– Думаю, мой отец либо задолжал вам денег, либо заключил неудачную сделку на миллионы. Или, возможно, украл что-то для себя. Вы его поймали и потребовали расплаты.

– Второй вариант, – спокойно ответил Адриан, хрустнув шеей. – Я так и знал, что ты увидишь правду, даже не зная её.

Он отпустил мой подбородок, но его взгляд всё ещё резал.

– Адриан, почему вы приняли меня в качестве… подарка? – спросила я, не отводя глаз.

Он улыбнулся.

– Ты гений, Эшер. Я читал твои работы. Давно хотел заполучить тебя – твоё мышление, твою голову. Но твой отец… – он на секунду прищурился. – Он был слишком жаден. После провала контракта и потери миллионов я предложил ему выбор: либо я уничтожаю его бизнес и оставляю семью без гроша, либо он отдаёт тебе моё имя. Вот и всё. Вот сколько ты стоишь в их глазах.

Я смотрела прямо на него. Моё лицо оставалось таким же, как прежде. Каменным. Ни один мускул не дрогнул.

Чего ещё ожидать от людей. Все вы одинаковые.

– Я ничего для вас не сделаю. – мой голос был тихим, но ровным. – Если вы взяли меня ради этого, убейте. Или верните к родителям.

– А если я заставлю? – Адриан приблизился. Его тело нависло, прижимая меня к дверце машины.

– Можете делать всё, что угодно. – я смотрела в его глаза. – Я не боюсь боли. И не говорю, что у меня есть принципы или любовь к жизни. Просто факт: вам не удастся заставить меня хотеть.

– Боже, ты такая интересная особа, – усмехнулся он, придвигаясь ближе. Между нами не осталось даже воздуха.

– Вы возбуждены? – я констатировала, без эмоций. Он замер, а потом тихо рассмеялся.

Мужчины – странные создания. Их возбуждает то, чего они не могут сломать.

– Что, если это так, позволишь до тебя дотрагиваться? – наши губы почти прилипли к друг другу, ему нужно только немного наклониться.

– Зачем вы меня спрашиваете, для вас это не важно, и если бы вы хотели меня поцеловать, то вы бы сделали это, даже без моего дозволения. – холод выходил из моего рта как из морозилки.

Он резко схватил меня за затылок и поцеловал. Неожиданно, грубо, как будто хотел доказать, что может. Его губы были горячие, почти обжигающие, дыхание тяжёлое, неровное. Я не пошевелилась. Не ответила и не оттолкнула. Просто сидела прижата к дверце машины. Он поцеловал сильнее, будто пытаясь пробить стену, но наткнулся на пустоту. На отсутствие – реакции, желания, даже страха.

Через мгновение отстранился. На его лице отразилось не удовлетворение, а раздражённость.

– Так ты ничего не чувствуешь… – голос Адриана сорвался на хрип.

– Вы спрашиваете или утверждаете? – спокойно произнесла я, глядя прямо ему в глаза.

Он смотрел на меня несколько секунд, будто пытался понять, кто перед ним – человек или что-то другое. Потом резко отвернулся, выругался и сел обратно на свое место. Потом всю

дорогу до его дома он молчал. Я видела, как на скулах перекатываются мышцы, он видимо остался неудовлетворённый.

Когда мы приехали, мы вышли из машины. Адриан прошёл мимо, не оборачиваясь, и только бросил коротко:

– Живи где хочешь. Но знай: если мне понадобится что-то от тебя, ты сделаешь это без промедлений. Разумеется, за пределами твоей работы. – Я просто дёрнула руками и кивнула. Он оставил меня под присмотром гувернантки и ушёл в свой кабинет.

Несколько недель он меня не трогал и, по сути, не замечал. Я просто жила в его доме: ела его еду, ходила по комнатам, занималась тем, что позволяли – немного читала, немного думала. Другого занятия у меня не было. Вся техника отобрана, даже кольцо – сказали, хозяину дома не нравится, когда кто-то в его доме носит «лишние» аксессуары.

Пустота от утраты – не эмоция, а факт. Но кольцо было не просто украшением: там хранилась часть моей жизни, документы, разработки, запасной номер. Оно значило больше, чем они могли понять. Значит, его надо вернуть. Мне нужно как-то его украсть.

Все эти недели, я принялась изучать дом как задачу: входные параметры, ограничения, переменные.

Не потому что хочу украсть – потому что это было нужно сделать. Кольцо – это переменная с высоким приоритетом в моей модельной базе; вернуть его означало восстановить часть контроля над собственной жизнью.

Первое, что я зафиксировала: расписание людей. Охрана ходила по кругу, но не идеально – у всех были свои маленькие петли: перекур у ворот, проверка автомобилей в определённое время, короткая беседа возле кухни. Гувернантка имела строго регламентированный маршрут по дому и в ночное время оставалась в одной комнате. Камеры были, их было видно – и там, где их не видно, обычно были «слепые зоны»: углы или коридоры с густыми тенями.

Второй факт: главный вход и задний вход патрулировались по разным графикам; ночной режим отличался от дневного. Я наблюдала тихо, несколько дней подряд, и строила гипотезы.

Я наблюдала за людей: кто спешит, кто отвлекается, кто любит оставлять вещи на столе. Изучала их привычки, ритмы, слабые места в распорядке. Никакой романтики – только статистика и расчёт. В голове уже выстраивалась последовательность действий, но это была не инструкция и не план под копирку, это была модель: входные данные → возможные сценарии → критерии успеха. Всё нужно обдумать и размышлять. Каждые мой действия могут быть приняты как угрозу, поэтому я не дёргаюсь и всегда делаю вид, что ни во что не заинтересована.

В последующие дни я наблюдала слишком много, и заметила, что Адриан куда-то исчезает по несколько часов в день. Но я знала точно, что он не у себя в кабинете. Адриан уходил куда-то вглубь дома, возвращался – и его поведение менялось. Я фиксировала детали: шаги, жесты, тон голоса. Эмоции я не ощущала, только последовательность действий.

Вечером одного из этих дней, за ужином я сказала:

– Адриан, ты убиваешь людей?

Он остановился, опустил вилку, смотрел на меня спокойно, без выражения, как будто ждал этого вопроса.

– Почему ты так решила? – спросил он ровным голосом.

– Просто наблюдение.

– Расширь, – его бровь поднялась вверх.

– Я видела, как ты исчезаешь в глубине дома, исчезаешь в темноте в одной одежде, а возвращаешься в другой. В твой глаза в такие моменты – презрение и отвращение.

Он улыбнулся, почти незаметно.

– И почему ты решила, что я убиваю людей?

– Капли крови на вашей одежде или коже. Маленькие, но заметные.

– Почему приняла их за кровь, а не за что-то другое?

– Мой нос чувствителен. В прошлый вечер, когда вы прилипли ко мне… я уловила запах крови, несмотря на гели для душа.

Он снова взялся за нож и вилку, медленно разрезал стейк, как будто ничего не произошло. В конце ужина он сказал тихо, ровно:

– Я приготовлю для тебя сюрприз. Жди его.

Я кивнула, и тоже начала резать свой стейк. Всё фиксировалось: факт за фактом. Сюрприз был обещанием нового этапа, нового наблюдения, начала чего-то, что выходило за пределы обычной жизни.

Наша время
2024. Весна

– Почему ты решила рассказать про этот момент? – доктор развернула блокнот после того, как заполнила целую страницу моими мыслями.

– Это было начало моего конца. – я допила оставшийся холодный чай и посмотрела на серые часы на стене.

– И что было дальше? – спросила она, не замечая, что время уже вышло.

– На сегодня хватит откровений. Я не вспомнила всё в деталях, когда вспомню, расскажу.

Доктор слегка удивилась, у неё дернулась бровь, лицо на мгновение стало растерянным, но она быстро взяла себя в руки. Взглянула на часы и охнула. Один час тридцать пять минут дня.

– Прости, Эшер, не заметила, как быстро прошло время.

– Конечно, не заметили, – подумала я, вы слишком серьёзно фиксировали всё, что я говорила.

– Ты сейчас меня осуждаешь?

– Как это? – я наклонила голову, изучая её реакцию.

– Ну… что-то вроде того, что я была слишком сосредоточена на тебе и не заметила время.

– Это не осуждение, это факт.

– Хорошо, поняла. Можем заканчивать на сегодня. Саймон, наверное, за дверью уже дремлет.

Не думаю.

– Заходи, мы закончили – сказала доктор по рации.

Мы едва моргнули, как Саймон уже стоял у двери с наручниками в руках. Я отметила в его взгляде одно: никаких фокусов. Я смирно ждала пока он подойдёт ко мне.

Он осторожно подошёл, нацепил наручники на руки и ноги и закрыл их. Доктор ещё раз посмотрела на нас обоих и, прежде чем мы вышли, сказала:

– Эшер, надеюсь, в следующий раз ты расскажешь больше о себе. Доброго дня.

– Вам тоже, доктор.

Мы вышли. Без слов, обсуждений или намёков. Саймон провёл меня обратно в мой корпус и палату. Там меня освободили от наручников и сообщили, что обеда не будет, но принесут лёгкий перекус. Пока ждала, я сделала разминку и упражнения для укрепления мышц.

Стоя вниз головой, мой ноги были вверх, взгляд – на дверь. Мой уши услышали, как задвигается засов, и створка открывается. В палату зашёл Эрик с подносом в руке. Сегодня он в синем комбинезоне.

– Здравствуй, Эшер. Вижу, время зря не теряешь – произнёс он, проходя по палате. Поставил поднос на стол, прошёлся взглядом по комнате и остановился передо мной. – И сколько ты ещё собираешься стоять в этой позе? У тебя почти вываливается грудь.

– Что, Эрик, мешает? Мне – нет, – отозвалась я спокойно, не меняя положения.

– Эшер, – произнёс он с нажимом.

Простояв ещё две минуты в том же положение, я сделала сальто назад, выпрямилась, протёрла лицо полотенцем и выпила воды. Всё это время он просто стоял и смотрел.

Зачем ему всё это?

Я подошла к столу, взяла виноград, сыр, крекер. Желудок немного успокоился.

– Хотел сказать, что Клодис больше не будет тебе беспокоить.

– Хорошо, – ответила я ровным, безразличным тоном.

– И всё? После вчерашней ночи?

– А что ты хочешь услышать, Эрик? – я повернулась к нему. Он стоял точно так же, как вчера, с перекрещёнными руками и каменным выражением лица.

– Хотя бы что-то.

– Проблема решена, – и этого достаточно.

– Ты вспомнила, почему оказалась здесь? – вдруг спросил он.

Я устроилась на кровати, начала расчёсывать волосы. Эрик стоял напротив, ожидая.

– Почему тебе так важно, чтобы я вспомнила?

– Может, если вспомнишь, осознаешь. Раскаешься в своих поступках. – он говорил с таким убеждением, будто сам верил в это.

– Эрик… – я вздохнула. – Даже если вспомню, это ничего не изменит. У меня нет души. Нет сердца. Нет сострадания. И всё, что я сделала, это не изменить.

– Я тебя не понимаю. – сказал он тихо.

– Тебе и не нужно. Попробуешь понять – мозг выгорит. Так что брось это дело.

Мы промолчали в тот же миг, смотрели друг на друга даже не мигая.

– Эрик, почему ты здесь работаешь? – спросила я, когда он развернулся ко мне спиной и почти дошёл до двери.

– Мне нравится помогать другим, – ответил он, открывая створку. Его голос был приглушённым, он сейчас врёт.

Он уже собирался выйти, но я сказала, голос был повышен чтобы он меня услышал:

– Здесь что-то другое…

Эрик застыл. Несколько секунд – ни движения, ни звука. Потом, с резкостью, словно по команде, он повернулся ко мне. От этого движения по полу прошёлся резкий скрип, будто кто-то провёл ножом по плитке. Он смотрел на меня – долго, пристально, слишком внимательно. В его взгляде не было ни раздражения, ни любопытства – только что-то, чего я не могла распознать.

Но я точно знала: он не просто санитар.

– Отдохни немного Эшер, вечером у тебя будет свободное время и ты сможешь воспользоваться бассейном, а потом у тебя будет разговор с доктором из больницы, он придёт осмотреть тебе и сказать тебе ещё что-то. – Эрик больше ничего не сказал, развернулся и ушёл.

Я присела на кровать и задумалась.

Вот, к примеру, Саймон, доктор Кларисса или даже та истеричка Клодис – их всех я уже успела прочесть.

Саймон – бугай с чувством долга. Импульсивный, но справедливый. Верит в порядок, уважает старших, не терпит высокомерных. Его легко понять, потому что он прямолинеен.

Доктор Кларисса – другое дело. Её не интересует, что я сделала. Её интересует почему. Она смотрит на меня не как на человека, а как на редкий образец, который нужно вскрыть и изучить до последней клетки.

Клодис – истеричка. Думаю, она видела мою карточку и испугалась. В ней слишком много греха, чтобы оставаться рядом со мной. А ещё, ей отчаянно нужно внимание мужчин. Видимо, уже давно никто не смог дать ей того, чего она ждёт.

Но Эрик…

Он другой.

Он человек, я это чувствую – в нём есть эмоции, но они будто заморожены. Глубоко внутри, под слоями самообладания. Он тщательно скрывает свои мотивы, говорит ровно, делает всё правильно – и всё же я вижу, что он чужой в этом месте. Он ещё не впитал здешний порядок. Значит, недавно здесь. Моё чутьё говорит мне, что в скором времени он сломается и я увижу все его эмоции.

Я сделала глубокий вдох и посмотрела на потолок. Тело немного ломило после упражнений, но в это давала лёгкость телу и мозгам.

…

Нужно принять душ. Или, может, сначала бассейн… потом душ… и встреча с доктором. Всё-таки решила первое пойти в бассейн и потом принять душ, так будет правильнее.

Встала с кровати и подошла к двери. Постучала. Я знала наверняка – за дверью кто-то есть. Слышала, как открывается маленькое окошко, и увидела лицо Флорина. Видимо, сегодня он дежурный.

– Я не хочу отдыхать. Можно пойти в бассейн чуть раньше назначенного времени? – спокойно спросила я.

Флорин откашлялся, что-то передал по рации. Когда получил разрешение, отключил её и посмотрел на меня.

– Эшер, очень тебя прошу, я не хочу надевать на тебя наручники. Обещаешь ничего не предпринимать, пока не дойдём до бассейна?

– Я ничего не сделаю, Флорин.

– Хорошо. Отойди на пару шагов назад.

Я подчинилась. Он тихо открыл дверь и выпустил меня из палаты. На мне уже был купальник, халат, полотенце под мышкой.

– Держи руки за спиной и просто иди вперёд, – мягко сказал он, закрывая за нами дверь. – Нам недалеко.

Я лишь кивнула. Меня сейчас интересовала только вода. На полпути я решила нарушить тишину:

– Скажи, почему ты развёлся со своей женой?

Флорин не ожидал вопроса, споткнулся и едва не налетел на меня со спины. Потом выдохнул и велел идти дальше.

– Зачем ты спрашиваешь? Насколько я знаю, тебе не жаль людей. Ты не интересуешься другими, если они не выгодны для тебя. Да и откуда ты знаешь, что я разводился?

– Мне не нужно много времени, чтобы это понять. Хочешь, расскажу?

– Ну… расскажи, если уж начала. Только знай, ты этим ничего не добьёшься.

Я говорила спокойно, ровно, без нажима.

– Это просто наблюдение. Не злись. Прими как обычный разговор.

Он сжал губы.

– И что ты там заметила?

– На пальце у тебя осталась метка от кольца, и ты каждые пять минут трогаешь это место, не замечая сам. Глаза бегают, взгляд не фиксируешь. Избегаешь прямого зрительного контакта. А когда вчера была сцена с Клодис – ты смотрел так, будто проходил через то же. Ты выглядишь усталым и виноватым. Думаю, развод был совсем недавно. Может, на прошлой неделе. Ты всё ещё любишь её, но из-за этой работы ты почти не бываешь дома. Вы отдалились. Теперь ты расфокусирован, тебе тяжело думать о службе. Любой другой на твоём месте давно бы нацепил на меня три пары наручников, но ты просто устал и хочешь довести меня до бассейна без лишних усилий. – я слегка пожала плечами. – Хочешь, скажу ещё?

– Нет, достаточно, – резко ответил он. – И тебе не стоит копаться в моей голове, Эшер.

Мы подошли к двери. Флорин открыл её, и передо мной открылся просторный зал с бассейном и рядами стульев.

– Всё, иди. У тебя несколько часов. Не трать их на чужие сердца. – он сказал это устало.

– Это просто мой наблюдения как психолога.

Я вошла внутрь. Дверь за мной закрылась. Бассейн был пуст, кроме меня. Подойдя близка к краю, я смотрела на прозрачную воду. Хлорный запах резал ноздри, отражения ламп скользили по плитке, делая всё вокруг будто нереальным.

Сняла халат, вошла в воду и позволила прохладе сомкнуться вокруг тела. Тело сразу отреагировала на воду и начала расслабляться под её тяжестью. Несколько кругов вперёд, медленный ритм дыхания, тишина. На секунду показалось, что я снова свободна.

Чуть позднее шум шагов вывел меня из спокойного состояния.

Мысль мелькнула сама собой: *в скором времени кто-то потеряет работу*. И это точно не Флорин – я собственными глазами видела, как он получил разрешение от начальства.

Я обернулась. По ту сторону бассейна стоял мужчина – пациент, судя по форме. Крупный, бородатый, взрослый. Его взгляд был цепким, слишком уверенным.

Сейчас начнётся игра.

– Вот ты какая… – протянул он глухо, делая шаг вперёд. Голос его отразился от стен и дрогнул на воде.

– Что – я? – спокойно спросила я, выходя из воды и беря полотенце.

– Ты у нас особенная. Необычная. Все тут уже шепчутся – что, к нам привели девушку, что пугает не только пациентов, но и персонал. – он скривил губы. – А я вот смотрю – хрупкая, с красивыми глазками. Где же твоя сила?

– В мозгах? – только и ответила я, вытирая волосы. Не глядя на него, пошла к скамейке.

Он резко шагнул ближе, схватил меня за руку так сильно, что там остался красный след, и притянул к себе. Запах пота и дешёвого одеколона ударил в нос.

– Посмотрим, что ты из себя представляешь! – взревел он, брызнув слюной.

Я подняла на него взгляд. Спокойный. Пустой. Мне хватило нескольких секунд, чтобы его обездвижить. Одно движение – локтем в солнечное сплетение. Разворот. Удар ногой – выбивание опоры. Захват шеи.

Он рухнул, пытаясь подняться, – я дала ему шанс. Второе движение – короткое, точное. Рука за спиной, лёгкий хруст. Не сломала – просто поставила на место.

– Достаточно, – сказала я тихо.

Двери распахнулись. В зал ворвались двое охранников – Саймон и незнакомец.

– Эшер, отпусти его! – крикнул Саймон. – По углам, быстро!

Я отпустила. Мужчина рухнул на колени, хрипя и хватая ртом воздух. Саймон кинулся к нему, проверяя состояние.

– Линк! – крикнул он второму, который замер в стороне. – Линк, я сказал!

– Да иду, – тот очнулся, подхватил пациента под руки.

– В медпункт. Пусть осмотрят, нет ли переломов.

Когда они ушли, Саймон повернулся ко мне. Его лицо было напряжено.

– Что случилось?

– Он начал, – ответила я спокойно, заворачиваясь в халат. – Вот и всё. Поплавала, значит.

Саймон молчал, глядя то на меня, то на следы крови на плитке. Я села на скамейку, сделала глоток воды. Внутри – ни злости, ни удовольствия. Только тишина. Я знала, что он нападёт ещё до того, как подошёл. Люди слишком предсказуемы.

– Для тебя это шутка? – сорвался Саймон. – Боже, ты могла умереть!

Он нервно мерил шагами пол, сжимая кулаки.

– Саймон, успокойся. – сказала я устало. – Он лишь успел сжать мою кисть. Ты сам видел, как всё закончилось. Лучше иди и найди того, кто позволил ему сюда войти.

– Этим займётся охрана, – он вздохнул, глядя на мою покрасневшую руку. – Но тебе нужен доктор. Он уже здесь. Идём, переоденешься, потом встретимся с ним.

– Я не беспокоюсь, – ответила я тем же холодным тоном.

Встала, поправила халат и пошла к двери. Саймон шёл за мной – как всегда, наготове.

Проходя по коридору, Саймон неожиданно спросил:

– Помнишь, кто тебя всему этому учил?

Я повернула голову, глядя на него поверх плеча.

– А в моей карте написано, кто меня учил?

– Ты сама, и… – коротко ответил он. Но по глазам видно – не верит.

– Я и правда сначала училась сама. Но потом у меня был наставник – сказала я спокойно. – Так что, там всё-таки что-то указано?

– Да.

– Тогда зачем спрашиваешь, если знаешь ответ? Не веришь?

Саймон с щелчком открыл дверь моей палаты, пропуская меня вперёд.

– Хотел понять, помнишь ли ты, – ответил он, отходя в сторону. – Скоро придёт Эрик, отведёт тебя к доктору.

– Получился пустой разговор, – тихо произнесла я.

– Нет, – так же тихо ответил он и вышел.

Я осталась одна. Высушила волосы, переоделась. Села на кровать и просто ждала, когда войдёт Эрик.

Комната была тиха, только воздух дрожал от ожидания – будто всё в этом месте дышало чьим-то вниманием. Тишина за несколько дней уже ужилось в моём теле. Камера наблюдения в углу тихо за мной наблюдала.

К доктору, который должен был меня осмотреть, мы пошли во время ужина.

Странно. Обычно в это время всё здание затихает, а пациентов никто не тревожит.

Эрик пришёл без слов – просто открыл дверь, проверил наручники и повёз меня по пустым коридорам. Колёса кресла тихо шуршали по линолеуму. Воздух пах лекарствами и чем-то металлическим.

– Мы пришли, – мягко, но твёрдо сказал Эрик и подтолкнул меня внутрь. Он тоже вошёл следом, закрыл за собой дверь.

Кабинет доктора Виктора Стикса был обставлен с пугающей аккуратностью. Стеклянные шкафы с инструментами, мониторы, каталка, лампы, жужжащие лампочки под потолком. Всё слишком стерильно. Слишком чисто. Здесь в его кабинете были инструменты, оборудование и материалы не только для осмотра пациентов.

– Хорошо. Эшер, присаживайся на койку, – голос доктора звучал обманчиво спокойно, но за этим спокойствием чувствовался яд. Холодный, выверенный, как у человека, что привык приказывать.

– Я должен потом отвезти её обратно – сказал Эрик, будто пытаясь остаться рядом дольше, чем ему позволено.

– Не нужно. Её проводит другой фельдшер, – отрезал Стикс, даже не взглянув на него. – Ты свободен.

Эрик цокнул языком, явно недоволен, но подчинился. Уже у двери он бросил на меня короткий взгляд – настороженный и злым, будто хотел что-то сказать, но не решился.

Когда дверь за ним закрылась, в комнате стало особенно тихо. Я ощущала, как в воздухе растекается тяжесть. Доктор медленно снял перчатки со стола, подошёл ближе и улыбнулся. Улыбка врача.

Но я уже знала – сейчас начнётся что-то другое.

– Давайте без любезностей и прелюдий, доктор Стикс. Оставьте вашу дежурную фальшивую улыбку себе домой и просто делайте свою работу, – сразу сказала я, чтобы он не начал очередную тираду и не поливал мне уши ложью.

Доктор замер на долю секунды, а потом тихо усмехнулся.

– Ух ты какая… – произнёс он почти шёпотом, притягивая к себе металлическую тележку с инструментами.

На ней – бинты, контейнеры, щипцы, вата, спирт, иглы. И среди всего этого – шприц, наполненный чем-то мутным. Он поднял его на уровень глаз, выпустил крошечную каплю воздуха и посмотрел на меня. Так улыбнуться может только тот, кто уже решил, что ты – вещь, а не человек.

– Вы, видимо, не собираетесь осматривать мою руку? – спокойно произнесла я, не отводя взгляда. Мой голос звучал ровно, будто мы обсуждали погоду.

– Осмотрю, конечно. Но позже, – ответил он, подходя ближе. – Сейчас у меня другое задание. Ты не боишься, что будет дальше?

– Нет.

– А зря, – холодно сказал он.

Я лениво протянула ему руку. Зачем сопротивляться? За стеклом в соседней комнате я уже заметила двух охранников – массивные, вооружённые, готовые в любую секунду вломиться.

Сейчас не время играть в героиню.

– Ну и отлично – произнёс он. – Могу сказать только одно: ты не умрёшь этой ночью.

Он воткнул иглу в вену, плавно, без лишних движений. Холод от шприца быстро распространился по телу. Мир вокруг будто потускнел. Голос доктора стал глухим, как из-под воды. Я пыталась удержать фокус, но веки наливались свинцом. Последнее, что я увидела – его лицо, искажённое довольной улыбкой.

Потом – тьма.

Прошлое
2018. Зима

Несколько дней после того разговора мы почти не общались. Он уехал в командировку, а я оставалась одна в его доме – в клетке с окнами и идеальными занавесками. Время тянулось вязко, как мед. Мой дни были скучны и банально обычными.

Утро началось, как и все предыдущие. Я проснулась, умылась, собрала волосы в хвост. Позавтракала под бдительным взглядом прислуги и, получив разрешение, вышла к бассейну. Вода была холодной, как всегда – очищающей и чужой. Я плавала долго, пока мышцы не начали нить от усталости, пока в груди не появилась лёгкость, похожая на забвение.

Когда вернулась обратно в дом, тело ныло, но внутри стояла странная тишина – будто всё вокруг готовилось к чему-то. К «подарку».

…

– Я же обещал тебе подарок. Вот он. – театрально произнёс Адриан после ужина. Он притянул мне руку, и я с лёгкостью взяла её. Я уже догадываюсь куда мы идём, и что он мне приготовил.

– Идём, – сказал Адриан, после того как помог мне встать со своего стула. – Но… прежде чем мы получим твой подарок, мне нужна небольшая «подзарядка».

Он прижал меня к себе, и наши тела слиплись в тесной близости. Как и всегда, с жадностью и похотью он придвинулся к моим губам и начал настойчиво целовать.

Не понимаю, как слюна к слюне может так возбуждать мужчину и вызывать у него эйфорию.

Адриан целовал меня жадно, с полной отдачей, а я – ровно никак. Ни жара, ни холода. Мне было абсолютно всё равно. У нас уже был секс, и я знаю, что моё тело не поддавалось ласкам, не реагировало на его горькие руки. Он получил своё, а я – ровным счётом ничего. Были только физические ощущения, но моё тело абсолютно не удовлетворилось.

Я не сопротивлялась. Не потому что мне было приятно, не потому что боялась – мне было всё равно. Любые попытки сопротивления были бы бесполезны. Мой холодный взгляд и неподвижное тело не давали ему ни малейшего удовольствия от контроля, кроме удовлетворения собственной похоти.

– Мы идём в твою скрытую комнату? Какой подарок ты для меня приготовил? – мой голос был ровным, без удивления, интереса или любопытства. Я уже всё поняла, просто хотела убедиться.

– Сейчас увидишь, – с таинственной улыбкой ответил он.

Держа меня за руку, мы двинулись по коридору в крыло дома, куда мне ранее не разрешали заходить. Спустились по ступеням в подвал и остановились перед дверью.

В маленьком подвале была кромешная тьма. Так тихо, что слышались только наши собственные дыхания. В воздухе витало напряжение, и каждый шаг отдавался тяжёлым эхом. Я ощущала холодный металл дверной ручки под пальцами, но мои глаза оставались равнодуш-

ными. Всё происходящее было для меня наблюдением, и ни страх, ни любопытство не трогали меня.

Адриан достал из кармана связку ключей и открыл дверь. В лицо сразу ударил едкий запах засохшей крови, мочи и горьких слёз. В комнате была кромешная темнота, но на полу слышались скрипы и тихие стуки цепей. Если прислушаться, из глубины комнаты доносились слабые, едва различимые звуки – как трепет подбитой птицы.

Он за мной наблюдал, Адриан смотрел на моё лицо, какая у меня реакция и какая будет в дальнейшем, он получал от этого кайф как наркоман от одной дозы. Я остановилась у порога, взгляд ровный, без эмоций. Ни страх, ни отвращение не коснулись меня.

Со щелчком включился свет, и комната открылась передо мной. Нет, назвать это комнатой было бы мягко – это была пыточная камера. Всё было устроено так, чтобы причинять боль: от угла, где лежали инструменты, до противоположной стороны, заставленной оружием. В углу стояли столы, предназначенные для всего, что здесь происходило. В центре – стул, а на нём человек в полусознательном состоянии, привязанный кандалами за руки и ноги. Он весь был в крови, руки сломаны, но по движениям груди было видно – он ещё жив.

Лучше бы его убили быстро, чтобы не мучился. Но, видимо, Адриану нравилось играть со своими "игрушками".

– Вот твой подарок! – с восторгом сказал он и даже захлопал в ладоши.

– Спасибо, – сухо ответила я, без оттенка эмоций.

– Как всегда, ты не перестаёшь меня удивлять, – продолжал он, показывая рукой, чтобы я вошла.

Пол был слегка липким, воздух пропитан запахом гниющей плоти, но я просто вошла и осмотрелась. Мой взгляд холодно скользил по комнате, фиксируя каждый предмет, каждую деталь. Ни жалость, ни страх, ни отвращение – ничего не пробивалось сквозь моё спокойствие. Всё происходящее для меня было чистой аналитикой, как наблюдение за объектом эксперимента.

– Знаешь, почему это твой подарок? – спросил он, глядя на пленника.

– Ну? – я сдержанно подтолкнула, заставив его продолжать.

Адриан подошёл к стулу, вытащил кляп изо рта у мужчины. Тот откашлялся, прошипел с трудом:

– Помогите мне… – и устремил взгляд в мою сторону. Он видел в меня спасение, на Адриане он не хотел смотреть, видимо он его уже знает. Я пожала плечами и не ответила.

– Этот мужчина – аферист, – начал объяснять Адриан, голос его был ровен и бесстрастен, как доклад. – Из-за него твой отец потерял деньги и был вынужден продать тебя, чтобы расплатиться по долгам. Но это не всё. Он обманывал многих, крал средства, и несколько людей из-за него лишились всякой надежды – покончили с собой. Он преступник. Мы таких находим: либо расправляемся сразу, либо привозим сюда и делаем с ними то, что полагается, пока они не умрут.

Он говорил спокойно, как будто отчитывался о рабочем дне.

– Почему ты решил мучить их прямо в своём доме? – спросил я, глядя в сторону пленника. Его глаза метались между нами: страх, отчаяние, молитва.

– Здесь нету каких-то срытых мотивов. Просто дома легче, чем где-то всё обустроить.

– Вы оба чокнутые, – прохрипел мужчина.

Мы оба повернулись к нему, словно на выставке, где разглядывают редкий экземпляр.

– Она вот точно чокнутая, – показал на меня Адриан пальцем, усмехнувшись. – А я просто делаю свою работу. И, как я говорил тебе несколько дней назад: когда я снова приду, от тебя многое будет зависеть. Она решит твою судьбу.

Адриан отошёл от нас и пошёл в сторону инструментов что висели на стене как экспонаты в музее. Он задержал свои взор на топор, небольшой с рукоятки из дерева и очень острым

лезвием. Я увидела, как лезвие блеснуло при лампе. На секунду мне показалось – он наслаждается видом предметов, которые могут менять судьбы.

Он взял топор в руки, помахал его немного, удовлетворённо хмыкнул и вернулся обратно к нам. Пленник, увидев топор испугался так сильно что его затрясло, и он начал плакать, он умолял глазами спасти его. Время уже вышла.

Адриан подошёл ко мне сзади. Его рука легко лёг на моё плечо – не давя, скорее, как опора, как напоминание: «ты можешь, и я рядом». Он не сжимал, не толкал. Поставил топор в мою ладонь – ровно так, чтобы я держала его самой.

– Ты сказал, что она решает умру я или нет… – через всхлипы, соплей, кровь и слёз спросил пленник.

– Она уже решила, не так ли детка? – Адриан рассмеялся и удовлетворённо поцеловал меня в щёку. Я промолчала, у меня нету слов для утешения, у меня нету слов для спасения или ещё чего-то. Просто нужно закончить работу и всё.

– Ты помнишь, что говорила? – прошептал он, почти не двигаясь.

У меня был выбор. Всегда есть выбор. Но это был выбор в условиях – в комнате, где уже шла программа, где «право» решалось чужими руками. Адриан сделал так, чтобы формально власть оставалась за мной; фактически он уже принял решение. Он просто дал мне возможность исполнить его волю «моей» рукой.

Я подняла топор. Рукоять была холодной. В руке я чувствовала только вес и баланс. Ни злости, ни жалости, ни трепета. Плотный ритм дыхания пленника отдавался в комнате, но это был не звук, который мог бы изменить факт: кто-то считал его виновным, и теперь очередь выпадала мне.

Я сделала два шага вперёд. В мыслях – расчёт: точка удара, сила, угол. Всё механически, как выполнение упражнения. Он не просил пощады; он не умолял – лишь хрипел, и в этих хрипах не было для меня человеческой призмы, только данные.

Топор опустился. Контакт – резкий, короткий. Запястье ремнём поддерживалось, плечи включились, всё закончилось быстрее, чем кто-то мог подумать. Я отпустила рукоять, и предмет свалился на пол.

Адриан сделал шаг вперёд и, не мешкая, подложил руки к затылку жертвы – проверил. Его лицо растянулось в той самой улыбке, что раньше была лишь тенью. В нём вспыхнуло нечто, похожее на экстаз. Он выпрямился, глубоко вдохнул, словно напитавшись.

Я стояла рядом – спокойная, холодная. Кровь на руках и по лезвию воспринималась как факт. Так же, как и звук падения тела. Я глянула на свои ладони, на тёмные пятна, и констатировала: грязно. Практически рабочая пометка.

– Всё, – сказал Адриан с удовлетворением, отпуская плечи. – Ты справилась.

Я кивнула. Ни благодарности, ни горечи, никакой драмы. Только расчёт.

– Мне нужно помыться. – произнесла я ровно.

Он рассмеялся тихо, довольный, и сделал шаг в сторону, чтобы дать мне проход. Мой ноги сами привели к раковине в углу и начала смывать с рук то, что осталось от дела – холодно, быстро, без мыслей, как выполняется рутинная процедура.

Я вернулась в свою комнату глубокой ночью. Душ смыл с меня запах подвала, горячая вода смыла липкость и остатки чужой жизни – и вместе с ними смылась какая-то видимая грань. Выхожу из кабины, вешаю полотенце и вглядываюсь в зеркало: те же острые скулы, те же янтарные глаза. Ничего нового. Отражение как диагноз – холодное и беспристрастное.

Не от ярости и не от отчаяния – просто, потому что захотелось – стукнула кулаком по стеклу. Лёгкий треск, вибрация по коже и тишина. Удар не изменил лица. Это была проверка механизма: удар и отсутствие реакции. Я зафиксировала факт и успокоилась.

И с той ночи для меня открылась одна дверь – дверь с простым названием: «убийства». Не метафора, не моральная категория, а набор навыков и правил. Адриан не затягивал. Он

превратил то, что случилось, в программу. Уроки шли плотной лентой: борьба и боль мышц по утрам, стрельба днём, техника скрытного подхода и уход, работа с ядами и их эффектами, владение ножом и топором, управление машиной в любых условиях – всё, что делает действие точным и бесшумным.

Занятия были жесткими и методичными. Он ставил задачу – я выполняла. Разборы ошибок были кратки и беспощадны: где держать корпус, какой угол удара даёт нужный результат, сколько миллилитров – и в какие промежутки. Никогда не «почему», всегда «как». Он не воспитывал во мне монстра – он собирал инструмент. Я собирала умения. Под кожей – не эмоции, а алгоритмы: цель → средство → результат.

Я училась не из желания или надежды, а потому что это давало возможность. Каждое новое умение расширяло набор вариантов: ударить быстро и уйти; попасть так, чтобы не оставить следов; отравить незаметно; вести машину, уничтожая следы; скрыться в толпе. Всё это укладывалось в голове в короткие, чёткие блоки: входные данные, риск, вероятность успеха.

Иногда, лежа в темноте, я прогоняла эти алгоритмы снова и снова – как проверку кода: если цель, то что за ней следует; если средство, какие побочные эффекты; если ошибка, как компенсировать. Здесь не было ни освобождения, ни проклятия. Был факт: теперь я могла. И этого было достаточно.

Наша время
2024. Весна

Сильный рывок – и я открыла глаза. Комната ещё была мягко полусонной, через окно проходил приглушённый свет. Рука болела от атрофии, как будто мышцы напоминали о вчерашнем упражнении, сердце билось не ритмично, а с каким-то чужим темпом, как метроном, от которого сбились. Кости с легким треском ответили на движение – старый звук, привычный.

Вдохнула носом – воздух пахнул хлоркой и стерильными простынями. В голове – маленькие кадры: ванна, холод, подвал; они промелькнули без эмоций, просто как теги у файла. Встала. Телу сразу понадобился баланс: шаги были точнее, чем мысли. Я проверила руку – сигнал ощупью, не взглянув – и отметила: разбитость присутствует, но функционал сохранён. Всё, что нужно – вода, одежда, план на день.

Мне нужен душ.

Я несколько раз постучала, дверь приоткрылась – незнакомец, тот самый, что помог Саймону с пациентом из бассейна. Мариус, кажется. Он молча отодвинулся, чтобы я могла пройти.

– Мне нужно помыться. – сказала я ровно. Тело ощущалось загрязнённым, на коже фиксировалась липкая активность, сходная с ползущими насекомыми. Он сделал шаг в сторону. Я задержалась, оценила его лицо и прошла мимо.

Стикс. Мысли о нём возникли автоматически. Он ввёл препарат. Тело фиксирует ломоту, сердечный ритм нарушен, руки демонстрируют мелкую дрожь, дыхание утяжелено и вязко. Набор признаков, характерных для медикаментозного вмешательства. Информация не требует обсуждения.

Что они хотели изучать? Почему именно так? Голова раскалывается. Всё это – не эксперимент, а насилие над фактами моей жизни.

– Можешь побыстрее? – с твёрдым голосом обратилась я к Мариусу. – Меня сейчас вырвет прямо на этом полу.

Мариус глянул на меня странно, будто не ожидал такой откровенности, и в его лице прочитал лёгкое замешательство. Он, видимо, не знал, что сказать.

Поняв, что всё отвратительно, Мариус ускорил шаг. Я пошла за ним. До душевой дошли почти бегом.

Как только вошли, я молча показала рукой – уйди. Он послушался. Хорошо, что сейчас утро и душевые пусты.

Тело не выдержало – желудок сжался, и я, опустившись рядом с унитазом, выплеснула наружу всё, что было внутри. Без жалости, без эмоций, просто рефлекс. Закончив, я встала, стянула с себя одежду и встала под воду.

Горячие струи ударили по коже – не больно, не приятно, просто ощутимо. Вода обжигала тело, проходила по костям, будто очищая не грязь, а саму физическую оболочку. Я вымыла волосы, потом тело. Движения чёткие, выверенные, без мысли.

Переоделась в чистое. Старую одежду бросила в корзину – как мусор, не нужный.

В зеркале – моё отражение. Глаза потускнели, под ними чёрные круги, лицо осунулось. Всё это просто факты. На коже – следы: уколы, покраснения, крошечные точки на висках. Следы эксперимента.

Высушила волосы феном. Постучала – Мариус открыл дверь. Без слов. Мы вернулись в палату. Меня оставили одну.

К вечеру в комнату вошёл доктор Стикс.

Кто позволил ему войти?

– Не беспокойся – сказал он спокойно, показывая руки, чтобы я видела, – я лишь закреплю запястье бинтом.

– Мне не от чего беспокоиться, доктор, – ответила я спокойно, спустив ноги с кровать на пол, и выпрямив ему свою руку.

Он подошёл ближе, присел на стул и открыл свой чемоданчик, видимо со всем необходим для первой помаши, вытащил изнутри какой-то крем и бинт. Его глаза – внимательные, оценивающие, как у человека, который привык видеть людей не целиком, а по частям: пульс, зрачки, следы на коже.

Усмехнулся – коротко, почти беззвучно. Его пальцы ловко зафиксировали моё запястье. Кожа натянулась под бинтом. Он заметил след от шприца – крошечный укол в латеральную вену, покраснение. Его губы снова тронула та же самодовольная улыбка.

– Интересная реакция. – произнёс он почти шепотом, отпуская мою руку.

Я встретила его взгляд. В нём – уверенность, слишком чистая, почти болезненная. Он будто ждал чего-то от меня: страха, протеста, раздражения, вопросов.

Но внутри – ничего. Пусто. Он ищет эмоцию, которой больше нет. А я просто наблюдаю за ним. Как за врачом, уверенным, что может читать человека, у которого давно стерты страницы.

– Ничего не спросишь у меня? – с ехидной усмешкой произнёс он, собирая медицинские принадлежности обратно в чемодан.

Самовлюблённый, безнаказанный болван.

– Что вы хотите от меня услышать? – лениво спросила я, устраиваясь поудобнее на кровати. На лице – ровное, безжизненное выражение.

– Ну хотя бы, что я с тобой сделал? Разве тебя не волнует собственное тело? – в его голосе звучала насмешка.

Эх, доктор… если бы ты знал, через что это тело уже прошло, у тебя бы случился инфаркт прямо на месте.

– Ну и что вы со мной сделали? – спросила я с тем же равнодушием, будто обсуждала погоду.

– Как я погляжу, смерти ты не боишься? – в тусклом свете его глаза сверкнули почти с интересом. – А если бы ты умерла во сне?

– Ну и умерла бы. Давайте к сути, доктор, – я натянула одеяло до шеи и устало выдохнула. – Мне нужно спать.

– Какая ты нетерпеливая, – протянул он, закрывая чемодан и ставя его на пол. Скрестив руки, уставился на меня, как на экспонат.

– Просто не вижу смысла болтать. Всё это – пустая трата времени, – я закрыла лицо рукой. Почти провалилась в сон, когда он присвистнул, заставив меня открыть глаза.

– Ты ведь поняла, что случилось с твоим телом, да? Поэтому и говоришь так спокойно? – не унимался он.

– Даже если бы не поняла – сказала я, не поднимая взгляда, – Мне было бы всё равно. Но, к вашему счастью, доктор, я поняла. Вы вкололи мне наркотики. Возможно, хотели изучить реакцию. Возможно, просто развлечься. Мне всё равно.

Он тихо выдохнул, потом вдруг засмеялся – звонко, почти с восторгом.

– Боже, да ты идеальна. Настоящая лабораторная крыса – не пикнешь, даже если тебе будет больно.

Доктор кружил по комнате, словно от избытка восторга.

Да… какой ненормальный человек. Он доктор или псих?

Иногда мне кажется, что именно те, у кого есть чувства и эмоции, – самые страшные. Гораздо страшнее, чем те, кто пуст внутри, как я.

Все эти людские чувства… любовь, страх, жалость, радость. Они делают человека слабым, но по больше жестоким к другим людям. Они прикрываются этим всегда. Чувства рвут изнутри, заставляют принимать решения, мучиться, терять. Они превращают людей в рабов собственных сердец.

Я не чувствую.

Я не страдаю.

Мне не больно.

– В следующий раз мы сделаем другой эксперимент, – с воодушевлением произнёс доктор, словно говорил не с человеком, а с новой игрушкой. – На сегодня хватит.

Он взял свой чемоданчик с пола, повернулся ко мне спиной, и вышел из палаты так же быстро, как и вошёл. Дверь с глухим стуком открылось и потом закрылось, но я успело заметит кто был за дверью, и это у нас оказывается один из мужиков что скрылись в другой комнате, когда меня привели к доктору. Кто-то кому-то угрожал сегодня вечером.

Дверь закрылась. Наконец-то тишина. Она легла на комнату густым покрывалом, обволокла тело, пропитала воздух. Я чувствовала, как она заползает под кожу, вытесняя остатки мыслей, оставляя только пустоту.

Мой взгляд упёрся в потолок – белый, ровный, безжизненный, как лист бумаги. Дыхание стало медленным, сердце уравняло ритм.

Никаких снов.

Никаких образов.

Только темнота и сон, похожий не на отдых, а на временное исчезновение.

Утром меня ждал «приятный» сюрприз – мама.

После завтрака, состоящего из фруктового йогурта и кофе с молоком, я сделала зарядку. Растянула мышцы, разогрела тело, привела себя в порядок. Душ. Тепло воды, равнодушное, как и я.

Когда я вернулась в палату в сопровождении Саймона – сегодня он был на дежурстве, – внутри уже витало странное ощущение.

Она сидела на стуле у моей кровати. Сидела и смотрела в одну точку.

Мама. Я думала, мы закончили. Я думала, разговоры исчерпаны.

Но она снова здесь.

– Милая… – её голос, как липкий сироп, медленно растекается по воздуху. Слишком сладко, чтобы быть правдой.

Я молчала. Просто смотрела. И чем дольше я на неё смотрела, тем отчётливее понимала – ничего не изменилось. Ни в ней, ни во мне.

– Здравствуй, мама.

Саймон оставил нас вдвоём. На прощание бросил: если ты что-то натворишь, наказание будет. – какое – не уточнил. Я просто кивнула. Мне всё равно.

Мы остались одни. Мама сидела на стуле, а я вытирала волосы полотенцем, вода стекала по плечам, и только этот звук напоминал, что время вообще идёт.

Она молчала. Я молчала. Тишина между нами была плотной, почти осязаемой.

– Мама, зачем ты снова пришла? – спросила я, не поднимая глаз.

Пауза.

– Здесь, кажется, может заходить кто угодно. – я усмехнулась. – Я стала достопримечательностью? Или просто удобным объектом для жалости?

Она чуть дёрнула уголком губ – то ли собиралась ответить, то ли сдержала раздражение.

– Ты, как всегда, за своё. Мы так много времени не виделись, а ты… – её голос был мягким, почти жалостливым, но за этой мягкостью чувствовалось раздражение.

За последние несколько дней она явно пришла в себя. Макияж – безупречный, волосы уложены, одежда дорогая, будто пришла не ко мне, а на премьеру собственной жизни. Видимо, новости обо мне наконец приутихли, люди перестали терзать её звонками, и теперь она снова может играть роль идеальной матери.

Она смотрела на меня с укором, словно я разрушила её тщательно выстроенный фасад.

– Странные ты вещи говоришь, мама. – произнесла я ровно, выжимая полотенце. – Если мне не изменяет память, а я редко что забываю, вы меня продали. И даже не попытались спасти.

Мамины пальцы дрогнули. Она сжала колени, словно пыталась удержать себя от того, чтобы не закричать. Её лицо скривилось – не от вины, а от отвращения. К самой мысли, что я смею напоминать. Я смотрела на неё спокойно. Мне было всё равно. На её чувства, на её страх, на её идеальную жизнь, в которой не осталось места для меня.

– Скажи зачем ты пришла и уходи, не трать время в пустую здесь, наверное, тебя заждались твой деть? – пока мама задумалось над тем, что мне ответить, я закончила высушить волосы и оставить полотенце на радиатор высушиться.

– Я что, не могу просто прийти увидеть собственную дочь? – она сейчас серьёзно что-ли говорит это.

– Мама, – произнесла я, глядя на неё без всяких эмоций. Вид у неё был тревожный, как будто под кожей шевелилось что-то беспокойное. Она ёрзала на стуле, перекладывала сумочку с колена на колено. – Скажи уже, что тебе надо? – в этой палате слишком тесно, чтобы выдержать её нервное дыхание.

– Твоя сестра и брат… – начала она неуверенно. Я присела обратно на кровать, наблюдая, как по её лицу пробежала тень страха. – Сейчас им по три с половиной года. Они… очень милые. Но… меня страшит одно. Твоя сестра… она… такая же тихая и замкнутая, как ты была

в детстве. А брат – полная противоположность: шумный, плачет, требует внимания. Но она… она смотрит на нас – и будто видит насквозь.

Я кивнула. Всё стало ясно.

– Мама. – сказала я, – Вы уже сделали тесты, да? Хотите знать, такая ли она, как я? – она кивнула.

– Да. Мы отвезли её в клинику. Её обследовали. Врачи сказали… что она почти такая же. Она чувствует, но слабо. Всё будто приглушено.

– И что теперь? – я улеглась на кровать, глядя в потолок. – Зачем ты мне всё это рассказываешь?

– Мне страшно за неё. – голос мамы стал тонким, будто трещина в стекле. – Я не хочу, чтобы она стала… такой, как ты.

Я усмехнулась. Страшно ей…

– Какая же ты заботливая, мама. – произнесла тихо. – Не знала, что у тебя вообще осталось место для заботы. И если ты забыла, я напомню – такой я стала благодаря вам.

Она вздрогнула. Лицо её исказилось, будто я плюнула в самую больную часть её души. Только вот мне было всё равно. Она всегда защищала себя, не меня.

– Мы говорим уже почти час, – я повернулась к ней и посмотрела прямо в глаза. – Так что хватит играть в мать, которой вдруг стало не всё равно. Говори, зачем пришла.

Мама опустила взгляд, словно собиралась с духом. Её пальцы с красивым красным маникюром сжали сумочку до побелевших костяшек.

– Ладно, скажу – наконец произнесла она, голос дрогнул. – Я хочу, чтобы ты… встретилась с ней. С твоей сестрой.

Я чуть приподняла голову с подушки.

– Зачем? – вопрос вышел ровным, но холодным, как сталь. Если она пришла ко мне, значит она в отчаяние, видимо врачи не могут ей помочь, это странно.

– Может быть… – она запнулась, сглотнула, – Может, ты сможешь ей помочь. Объяснить… кто она. Почему она такая. Ты ведь… понимаешь это лучше всех.

Я долго молчала. Слышала, как тикают невидимые часы – ровно, спокойно, будто измеряя пульс комнаты. Её слова не вызвали во мне ничего. Ни злости, ни жалости, ни даже насмешки. Просто пустота. Мы дошли и до этого…

– Помочь? – повторила я тихо, фиксируя само слово. – У тебя, вероятно, сформировалось впечатление, что я учебный материал по психиатрии. Или демонстрационный образец, на котором удобно показывать детям, чего следует избегать.

Мама резко вдохнула.

– Эшер, я серьёзно. Она не такая, как все. И я боюсь, что… если ничего не сделать, она… – её голос надломился, – что она вырастет бездушной. Как ты.

Эти слова отдались эхом в груди, но не задели. Как всегда, я просто слышу, как её рот открывается и закрывается.

– Тогда зачем рожала, мама? Чтобы повторно исправлять то, что не смогла понять с первого раза?

Её лицо стремительно покраснело, она вскочила так резко, что стул, потеряв опору, упал на пол. Моё спокойствие, по всей видимости, лишь усилило её реакцию.

– Это же твоя сестра! Ты даже сейчас не можешь просто выслушать! Я прошу о помощи! Я мать.

– Нет. – я медленно села, опершись локтями на колени. – Ты просто женщина, которая боится, что мир узнает: с ещё одним твоим ребёнком что-то не так. И пытаешься использовать меня как средство коррекции собственной ошибки.

Мама сжала губы. Я видела, как внутри неё всё рушится. Но это меня не касалось.

– Всё, мама. – я легла обратно и закрыла глаза. – Можешь идти. Саймон! – крикнула я, чтобы он услышал меня изнутри – Мама уходит.

Она постояла немного, потом прошептала почти неслышно:

– Я вернусь. И приведу её.

Дверь щёлкнула. Тишина снова стала густой и липкой, как сироп. Я лежала, глядя в потолок. "Встретиться с ней…" Что-то внутри медленно шевельнулось – не чувство, не эмоция. Скорее, еле уловимое напряжение, будто мозг пытался вспомнить, как это – ощущать.

…

В обед у меня по расписанию была назначена встреча с доктором Клариссой. Поэтому после еды Саймон снова заковал мне руки – на этот раз только их, решив оставить ноги в покое – и, уже по привычке, без лишних слов отвёл меня в главный корпус, где находился кабинет врача.

– Ничего не спросишь? – решил всё-таки заговорить Саймон, прежде чем отпустить меня в кабинет. Я остановилась и взглянула на него.

– О чём?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.